Foma Sokol ataman razboinikov, ili,

Moskva

1887

Reel: 52 Title: 1

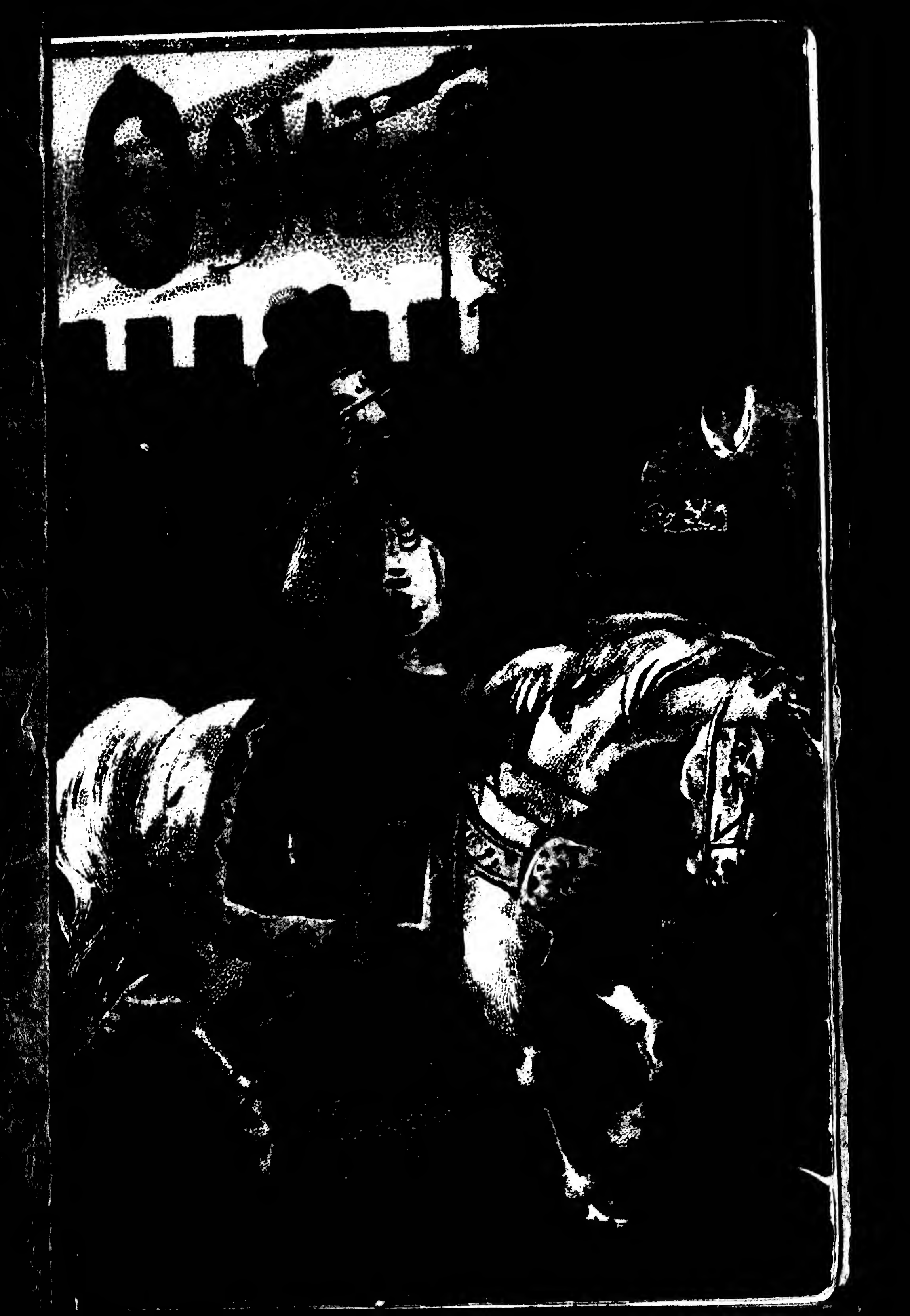
Control Number: BGM-7545
OCLC Number: 24927633
Title: Foma Sokol ataman razboinikov, ili, Podzemel'e bliz Kasimova : roman XVII stolietiia.
Imprint: Moskva: Tip. A. Favorskago, 1887
Format: 3 v. in 1 (171, vii p.), 18 cm
Note: Cover illustrated in color
Subject: Chapbooks, Russian

ѲОМА СОКОЛЪ

АТАМАНЪ РАЗБОЙНИКОВЪ,

или

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЪ КАСИМОВА.

РОМАНЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

ЧАСТЬ I.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА.
1887.

Дозволено цензурой Москва 1886 года Августа 26.

Типографія А. Θаворскаго. Москва Моховая д. № 24.

ѲОМА СОКОЛЪ.

ГЛАВА I.

Задумчивый незнакомецъ. — Каменная собака.—Избавители.—Кто они?

Еще и понынѣ видны слѣды нѣкогда существовавшаго притона разбойниковъ, въ 30-ти верстахъ отъ города Касимова. Зеленые курганы гордо возвышаются на пространной луговинѣ, окруженной сосновымъ боромъ; на вершинѣ одного и теперь примѣтно обширное углубленіе, обкладенное кирпичемъ и дикимъ камнемъ, которое, какъ говоритъ преданіе, служило имъ потаеннымъ складочнымъ мѣстомъ накраденныхъ вещей; и потому-то этотъ холмъ и называется Золотымъ.

Осматривая внимательно это мѣсто, я замѣтилъ, что прочіе четыре холма находятся въ равномъ отдаленіи отъ Золо-

таго; и если провести къ нимъ линіи, то онѣ образовали бы правильный четвероугольникъ.

Изъ этого можно заключить, что всѣ эти курганы были насыпаны по какому-нибудь важному предпріятію.

Такъ какъ сохранилось преданіе, въ которомъ подробно повѣствуются всѣ дѣянія, происходившія въ продолженіи XVI столѣтія въ окрестностяхъ Касимова, то между прочимъ и объ этихъ курганахъ въ немъ упоминается.

Но чтобы прежде времени не сказать мнѣ, кѣмъ и когда они насыпаны и по какой причинѣ, я начинаю повѣсть, заимствованную изъ преданія.

Въ 1501 году, въ началѣ мая, стояла погода пасмурная, холодная. Снѣговыя облака величественно и вмѣстѣ угрюмо громоздились на небосклонѣ и сыпали пушистый снѣгъ на Касимовскія поля, начинавшія уже зеленѣть. Ока въ другой разъ покрывалась льдомъ. Близъ береговъ, дѣти Татаръ катались на ногахъ, гоняли кубари; нѣкоторыя, посмѣлѣе,

скатывались на салазкахъ съ крутыхъ береговъ Оки, подвергаясь безпрестанно опасности проскользнуть далѣе, гдѣ ледъ былъ тонокъ.

Въ одинъ вечеръ, самый холодный, сидѣлъ какой-то мужчина на берегу рѣки не далеко отъ большаго прорубя на оледѣнѣвщемъ пнѣ, и толстою, суковатою палкой чертилъ какія-то татарскія буквы. На головѣ была нахлобучена огромная соболья шапка, самъ закутанъ въ медвѣжью шубу и опоясанъ краснымъ узорчатымъ платкомъ.

Подлѣ него лежала сѣрая курчавая собака и помахивала хвостомъ, запушеннымъ снѣгомъ. Хозяинъ не внималъ ея ласкамъ: сидѣлъ угрюмо въ какомъ-то безчувственномъ забытьи.

Онъ былъ лѣтъ 32-хъ. Лицо бѣлое круглое, оживленное прекрасными голубыми глазами. Черные, небольшіе усы завитые въ маленькія кольца, придавали ему важность и сановитость. Но его одѣянію еще нельзя было рѣшительно узнать кто онъ таковъ: Русскій ли или Татаринъ

бояринъ, или крестьянинъ волостей Великаго Князя Василія Іоанновича.

Кто бы то ни былъ онъ, только лице его показывало душевную печаль. Глаза, устремленные на прорубь, какъ будто говорили: въ немъ найду я конецъ бѣдамъ своимъ. Всякія, кто бы ни увидѣлъ, пожалѣлъ бы о немъ съ участіемъ.

Этотъ задумчивый человѣкъ сидѣлъ долго въ одинаковомъ положеніи, не смотря на снѣгъ, вьюгу и жестокій холодъ Собака, не смотря на то, что была одѣта въ свою природную шубу, тряслась и по временамъ вскрикивала.

Вѣрно она была бережена своимъ господиномъ и не привыкла сносить такую стужу и непогоду.

Вдругъ сильный порывъ вѣтра снесъ съ головы соболью шапку и укатилъ ее въ прорубь. Собака рявкнула, мгновенно кинулась за нею въ прорубь и, доставши ртомъ, возвратилась къ хозяину.

Онъ молча надѣлъ ее.

Собака, измокшая въ прорубѣ, еще болѣе стала дрожать и взвизгивать. Но

это продолжалось не долго; снѣгъ хлопками обсыпалъ ее, замерзъ и одѣлъ твердою, ледяною одеждою. Когда дунулъ еще порывистый вѣтеръ, то ледяная собака покатилась внизъ съ крутизны и разшиблась на нѣсколько частей, ударившись объ ледъ.

Сильный ударъ заставилъ незнакомца очнуться.

«Что это значить?» вскрикнулъ онъ, озираясь дико кругомъ.

«Свѣжая, застылая кровь оледенѣлые куски какого-то животнаго, странно!.... «Гей! Куртасъ?» продолжалъ онъ, осматриваясь по прежнему.

Напрасно кликалъ онъ своего Куртаса: мертвые не слышатъ и самыя послушнѣйшія существа не исполняютъ приказаній своихъ властителей.

«Такъ, эти куски остатки моего Куртаса: Бѣднякъ! Еслибы не такой случай, жить бы тебѣ еще..... Жалко, помочь нельзя! Прости, мой вѣрный товарищъ!» Голосъ незнакомца прервался, и онъ опять умолкъ.

Въ молчаніи поднялся онъ на широкую равнину—луговую сторону Оки, и пошелъ тихимъ шагомъ по едва примѣтной тропинкѣ.

Мракъ ночной началъ постепенно густѣть и облегать подлунное царство природы, и потомъ такъ стемнѣло, что нельзя было разсмотрѣть самыхъ ближайшихъ предметовъ.

Задумчивый человѣкъ шелъ довольно долго, не примѣчая того что сбился съ тропинки, напослѣдокъ вдругъ попалъ въ тинистое болото, только что растаявшее. Этотъ неожиданный случай заставилъ его очнуться, и онъ сказалъ съ удивленіемъ

«Кой чортъ? куда я попалъ не къ сатанѣ ли въ гости? А все это надѣлала моя задумчивость! Эхъ, братъ Марко; если бы не ты, не тонуть бы Вячеславу въ тинѣ, не носить бы въ сердцѣ такой тяжкой, черной думы?... Знать, такъ опредѣлилъ Господь! Что угодно Ему, то и будетъ со мною; а ужъ отыщу этого стараго коршуна; вырву изъ него черное сердце и кину псамъ голоднымъ.. Погибнутъ всѣ враги мои, если не найдутся братъ и

сестра!» При этихъ словахъ лице его побагровѣло, глаза налились кровью, волосы поднялись соболья шабка скатилась въ тину. Незнакомый человѣкъ былъ ужасенъ. Всякій, кто увидѣлъ бы его, испугался и почелъ бы за злодѣя.

Въ грозномъ порывѣ, онъ употребилъ всѣ усилія, вылѣзъ изъ тины и пошелъ далѣе.

Постепенно грозный видъ его исчезалъ лице принимало покойный видъ; глаза наполнялись слезами, и онъ сказалъ довольно громко:

«Если Богъ утѣшитъ, исполнитъ мои желанія, тогда я позабуду враговъ, возвращусь на родину съ сестрою и братомъ, и стану жить и наслаждаться счастіемъ. Что можетъ быть милѣе брата и сестры? О! милая моя Людмила! Увижу ль я еще тебя, дитя мое! Полюбуюсь ли тобою, какъ нѣкогда въ младенчествѣ, когда ты съ небесною простотою играла на рукахъ моихъ и трепля нѣжной рученкой по щекѣ моей, произносила: «любезный братецъ!»

Онъ умолкъ. Пошелъ еще тише и, казалось, погрузился въ совершенное само-

забвеніе: и вдругъ въ это-то время въ другой разъ попалъ въ болото по самую шею.

Представте его положеніе; смерть ужаснѣйшая представилась ему; быть живому поглощену тиною гнилою, пропастью! Всѣ усилія его освободиться были тщетны; конецъ жизни приближался; тина едва не доставала ему до рта.

Онъ началъ кричать, и по счастію голосъ его былъ услышанъ проѣзжающими мужчинами.

Ихъ сидѣло въ большой таратайкѣ человѣкъ шесть. Двое правили лихою четвернею лошадей.

Долго они, по темнотѣ ночи, не могли сыскать несчастнаго незнакомца; но, кажется, само небо сжалилось. Проглянула луна и освѣтила его голову, едва не поглащенную пропастью.

Незнакомца вытащили, посадили въ таратайку, и освободители погнали лошадей еще скорѣе.

забвеніе: и вдругъ въ это-то время въ другой разъ попалъ въ болото по самую шею.

Представте его положеніе; смерть ужаснѣйшая представилась ему; быть живому поглощену тиною гнилою, пропастью! Всѣ усилія его освободиться были тщетны; конецъ жизни приближался; тина едва не доставала ему до рта.

Онъ началъ кричать, и по счастію голосъ его былъ услышанъ проѣзжающими мужчинами.

Ихъ сидѣло въ большой таратайкѣ человѣкъ шесть. Двое правили лихою четвернею лошадей.

Долго они, по темнотѣ ночи, не могли сыскать несчастнаго незнакомца; но, кажется, само небо сжалилось. Проглянула луна и освѣтила его голову, едва не поглащенную пропастью.

Незнакомца вытащили, посадили въ таратайку, и освободители погнали лошадей еще скорѣе.

ГЛАВА II

Атаманъ Өомка. — Кто задумчивый человѣкъ.—Подземелья въ Касимовскомъ лѣсу.

»Куда, добрые молодцы, вы меня везете, спросилъ задумчивый человѣкъ своихъ освободителей,

Недалеко отъ Касимова, въ лѣсъ, въ жилье славнаго Атамана разбойниковъ Өомушки. Онъ, братъ. такой добрый; обласкаетъ тебя и тотчасъ сдѣлаетъ своимъ послушникомъ, а тамъ за первый отважный поступокъ слугою, а далѣе и товарищемъ,—говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ голосомъ суровымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ.

»Мнѣ, витязю царскому, сыну боярскому, быть рабомъ у разбойника?« воскликнулъ съ ужасомъ незнакомецъ.

— Что дѣлать, пріятель; коль къ намъ попалъ, и будь нашего приходу, а въ чужой приходъ съ своимъ уставомъ не суйся,—сказалъ другой товарищь.

— »И вѣдомо: любо не любо, живи не тужи! Мы сами знатнато отродья: кто мужикъ, кто татаринъ, кто цыганъ; у насъ, братъ, все равно! Атаманъ нашъ Ѳомушка убѣжалъ отъ висѣлицы, набралъ насъ въ добрый часъ, да сталъ съ нами жить; не о чемъ и тужить,«—сказалъ другой товарищъ.

»Нѣтъ, братцы товарищи, пустите меня; мнѣ должно еще служить государеву службу. Я въ Касимовъ пріѣхалъ за дѣломъ къ хану,« сказалъ незнакомецъ.

—А какъ же чортъ тебя занесъ въ Окинскее болото въ такую погоду и темнять? — спросилъ одинъ изъ товарищей.

«Какъ и за чѣмъ, я и самъ не знаю!»

—Нѣтъ, пріятель, ты намъ разскажешь, когда мы пріѣдемъ домой. Вѣрно ты скакимъ нибудь намѣреніемъ выжидалъ на Окской долинѣ и запоздалъ до вечера,—сказалъ одинъ изъ товарищей.

»Хорошо, я вамъ все разскажу, только выпустите меня,« сказалъ незнакомецъ.

—Можетъ быть и мы тебѣ пригодимся. Почемъ знать? Не чуждайся молодецъ; если ты въ бѣдѣ, то мы поможемъ,— сказалъ другой товарищъ.

—«А какъ зовутъ тебя, пріятель?»— спросилъ третій товарищъ.

Меня зовутъ Вячеславомъ, прозваніе Бѣлосельскій. Я сынъ богатаго московскаго боярина и витязь великаго князя московскаго Василія Іоановича,» сказалъ незнакомецъ, котораго мы станемъ называть Вячеславомъ.

—И такъ доброе здоровье витязю великокняжескому Вячеславу! — воскликнулъ одинъ а за тѣмъ и прочіе товарищи да здравствуетъ витязь Бячеславъ!» — Бѣлосельскій благодарилъ ихъ.

Между тѣмъ сытыя лошади быстро мчали тарантасъ, и уже прошло болѣе, нежели за два часа времени. Вдали зачернѣлся лѣсъ въ правой сторонѣ, если ѣхать изъ Касимова.

—Въ этомъ лѣсу наше жилище,—сказалъ старшій.

«А много ли мы верстъ проѣхали отъ Касимова?» спросилъ Вячеславъ.

— Верстъ двадцать пять, — отвѣчалъ тотъ же

«Скоро же мы проѣхали ихъ!»

—«Наши кони быстроноги,»—сказалъ одинъ изъ правившихъ лошадями.

Скоро подъѣхали къ лѣсу, Товарищи отпрягли пристяжныхъ лошадей, потому что четвернею нельзя было ѣхать отъ узкаго пространства дороги.

Лѣсомъ проѣхали они версты четыре и наконецъ подъѣхали къ небольшому зданію, обнесенному каменною высокой оградою.

Одинъ изъ сидѣвшихъ свистнулъ громко три раза, и ворота тяжелыя желѣзныя отворились со скрипомъ.

Пріѣхавшихъ встрѣтили человѣкъ пять мужчинъ, одѣтыхъ въ разныя платья.

«Добро пожаловать, ожидаемые гости! говорилъ одинъ изъ пятерыхъ и что привезли намъ новаго?

— «Боярскаго сынка Вячеслава Бѣлосельскаго,» —отвѣчали пріѣхавшіе.

Ночной мракъ не позволялъ Бѣлосельскому разглядѣть то мѣсто, куда занесла его судьба. Слѣдуя за новыми своими товарищами, онъ прошелъ длинный темный корридоръ, освѣщаемый только двумя ночниками, и напослѣдокъ вступилъ въ пространную комнату, довольно освѣщенную и украженную оружіемъ и разными накраденными вещами. Въ углу этой комнаты, подлѣ изразчатой печи на скамьѣ, лежалъ человѣкъ огромнаго роста.

Когда товарищи вошли къ нему, онъ приподнялся, зѣвнулъ протяжно и сказалъ тонкимъ дискантомъ:

— Что-то привезли, а долго ѣздили. Пришедшіе поклонились низко, кромѣ Бѣлосельскаго, который не слишкомъ вѣжливо и благосклонно смотрѣлъ на чудовище человѣческаго рода. Представьте себѣ существо съ огромнѣйшею головою, ужаснѣйшимъ лицемъ и необыкновенно безобразнымъ туловищемъ. Онъ могъ бы себя показывать за деньги, какъ чудное

созданіе проказницы судьбы, если бы жилъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ.

— Что же вы молчите, товарищи? Али нечего сказать—спросилъ Ѳомушка.

—«Мы привезли новаго товарища,»— отвѣчалъ одинъ изъ пріѣхавшихъ.

—Вижу, братъ, Курилка, что есть одинъ чужакъ. Подойди-ка, добрый молодецъ познакомимся.

Бѣлосѣльскій приблизился.

— Волей или неволей, ты попалъ къ намъ товарищемъ—спросилъ Ѳомушка.

»Ни волей, ни неволей, я попалъ въ ваше общество и не буду вашимъ товарищемъ: сынъ боярскій, витязь царскій не можетъ быть разбойникомъ,» говорилъ Бѣлосельскій.

—Потише, бояринъ, разговаривай; коли попалъ въ нашъ монастырь, такъ уважай игумна —сказалъ Ѳома.

«Напрасно ты меня хочешь испугать; я ничего не боюсь, ни самой смерти. Я ее видалъ и встрѣчалъ безтрепетно во время кровавыхъ битвъ. Ты видишь, на моемъ лицѣ остались слѣды ударовъ непріятель-

скихъ. Имя Вячеслава Бѣлосельскаго извѣстно и царю Русскому.»

Ѳомушка улыбнулся, протянулъ къ нему свою огромную руку и сказалъ:

— Радусь, что судьба привела такого знаменитаго боярина въ жилище атамана Ѳомушки Сокола. Сядь, товарищъ, и отдохни отъ дороги. Гей, дѣтки, подайте скамью новому сотоварищу:

Скамья, обложенная краснымъ сукномъ подана. Бѣлосельскій сѣлъ.

— Разскажи, бояринъ, какъ ты попалъ въ Касимовъ, зачѣмъ и какъ тебя нашли мои дѣтки?

«Изволь; я все разскажу, но съ условіемъ, чтобы выпустить меня.»

— Это впереди. Можетъ быть и понадобимся. Въ твоемъ лицѣ я вижу, какую-то ужасную таинственность; печаль злодѣйка тоска лежитъ на твоемъ сердцѣ Правда ли, товарищъ?

«Ты угадалъ. Я уже четыре года ношу ее въ головѣ своей.

ГЛАВА III.

Разсказъ Вячеслава.

Родитель мой былъ любимцемъ великаго князя Іоанна, покойнаго родителя нашего Царя Василія Іоанновича. Іоаннъ возвелъ его въ санъ боярскій за вѣрную и усердную службу, назначилъ ему въ жены княжну Прозоровскую, славившуюся красотою, добрымъ нравомъ и богатствомъ. Счастіе на отца моего лилось изобильнымъ источникомъ. Онъ жилъ, наслаждаясь земными благами.

Въ это время я родился.

Вамъ извѣстно, что первенца всѣ лелѣятъ, любятъ, Родители не знали, какъ выростить меня; берегли, покоили, утѣшали и напослѣдокъ дождались того, что я сталъ уже не ребенкомъ, но здоро-

вымъ и бравымъ юношею. Великій князь, увидѣвши меня, опредѣлилъ въ рынды, и съ тѣхъ поръ я сдѣлался извѣстенъ великому князю.

Василій Іоанновичъ былъ мнѣ ровесникомъ и любилъ меня болѣе моихъ товарищей. Казалось, что родительское счастіе перешло и на сына; всѣ желанія мои совершались; я былъ окруженъ великолѣпіемъ, пышностію; красавицы, дочери русскихъ вельможей, предпочитали меня товарищамъ и баловали меня своими ласками. Одна изъ нихъ совершенно овладѣла мною, я полюбилъ ее и признался великому князю, моему благодѣтелю. Онъ предложилъ отцу этой красавицы выдать ее за меня, и онъ согласился. Такимъ образомъ въ двадцать лѣтъ я былъ уже женатъ и получилъ при дворѣ мѣсто конюшаго.

Между тѣмъ у меня уже были еще братъ и сестра; первому было десять лѣтъ, второй шесть. Сестра была необыкновенно красивой наружности; красотою превосходила матушку, и пріятели пред-

рекали батюшкѣ нашему, что Людмила будетъ первою красавицею въ Москвѣ.

Счастіе не переставало благодѣтельствовать нашему семейству. Но вдругъ вспыхнуло возмущеніе въ Касимовѣ: вельможа, ханскій любимецъ, князь Исакъ, съ помощію своихъ единомышленниковъ, тайно убилъ Хана и объявилъ себя повелителемъ касимовскихъ татаръ.

Великій князь Іоаннъ, получивши объ этомъ происшествіи извѣстіе, тотчасъ приказалъ моему батюшкѣ отправиться въ Касимовъ, разобрать дѣло и казнить возмутителей, и по окончаніи дѣла занять должность намѣстника.

Батюшка со всѣмъ семействомъ своимъ отправился. Я проводилъ его до Владимира и тамъ разстался съ батюшкой, матушкой, братомъ и сестрою.

Сердце мое какъ будто шептало мнѣ, что я разстаюсь съ ними навѣчно. Я плакалъ безутѣшно, какъ ребенокъ у котораго отняли его любимую игрушку.

Мѣсяца черезъ два родитель прислалъ къ великому князю холопа своего съ извѣстіемъ объ успѣшномъ окончаніи дѣла.

бунтовщикъ же князь Исакъ пропалъ безъ вѣсти. Батюшка занялъ его домъ.

Такъ прошло полгода.

Я, не получая никакихъ извѣстій о родителяхъ, собирался самъ къ нимъ ѣхать, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, пріѣхалъ ко мнѣ меньшой братъ съ холопомъ, привезъ извѣстіе о смерти родителей и о похищеніи сестры Людмилы. Эта новость поразила меня. Я объявилъ объ ней князю, и онъ хотѣлъ послать въ Касимовъ рать для усмиренія Касимовцевъ, которые умертвили родителей моихъ и всѣхъ холопей, но смерть не позволила ему выполнить намѣреніе.

Взошедши на великокняжескій престолъ, Василій Іоанновичъ занялся другими дѣлами, которыя требовали большаго вниманія, и бунтъ въ Касимовѣ былъ оставленъ безъ вниманія.

Начались веселости, празднества. Князь то пировалъ съ боярами, то давалъ игрища народу, то потѣшался звѣриною охотою; онъ былъ еще молодъ.

Непримѣтно прошелъ годъ.

Бунтъ въ Касимовѣ не прекращался,

и великій князь послалъ туда на ханство сына казанскаго хана. Новый ханъ усмирилъ возмущеніе и сталъ народъ занимать потѣшными играми. Бунтовщикъ Исакъ возвратился тайно въ Касимовъ, подарилъ новаго властителя богатыми дарами, за что ханъ удостоилъ его своею благосклонностію, и Исакъ по прежнему сталъ жить какъ полновластный вельможа.

Одинъ татарскій купецъ, которому мой покойный родитель благодѣтельствовалъ, пріѣхавши въ Москву по дѣламъ торговли, зашелъ ко мнѣ и между прочимъ сказалъ мнѣ, что однажды видѣлъ дѣвочку въ палатахъ Исака, весьма похожую на сестру мою.

Это извѣстіе родило ко мнѣ мысль отправиться въ Касимовъ и какъ нибудь тайно поразспросить объ сестрѣ своей или объ дѣвочкѣ, похожей на нее. Я выпросилъ позволеніе у в. князя и отправился. Проходитъ полгода какъ я живу въ Касимовѣ, тайно подъ чужимъ именемъ. Братъ, который также послѣдовалъ за мною, видѣлъ въ окно красавицу, похожую на сестру, и проѣзжая од-

ГЛАВА V.

Судебная палата.—Судья.—Подсудимый.—Приговоръ.

Лишь только Ѳомушка окончилъ разсказъ свой, какъ вошелъ одинъ изъ товарищей и сказалъ, что измѣнникъ Сережка Ворона пойманъ.

Глаза атамана засверкали яростію, губы мгновенно посинѣли и онъ трепещущимъ голосомъ сказалъ:

«Посадить его на цѣпь, и я рѣшу дѣло разомъ. Собраться всѣмъ въ судебной комнатѣ и привести его.»

Разбойникъ ушелъ.

Скоро раздался колоколъ, который означалъ тревогу.

«Пойдемъ, Вячеславъ Юрьевичъ, со мною съ судейскую палату; только ради Бога, не вступайся въ дѣло; иначе ты погубишь себя!»

Вячеславъ обѣщался и пошелъ за атаманомъ.

Судебною палатою называлась огромная комната, обложенная дикимъ камнемъ и кирпичемъ. Подлѣ стѣны стояло сѣдалищѣ украшенное рѣзьбой и позолотой; оно было на возвышеньи; шесть ступеней, обитыхъ голубымъ бархатомъ, вели къ нему.

Отъ него, подлѣ стѣнъ стояли скамьи обшитыя голубымъ сукномъ; посрединѣ комнаты стоялъ столъ изъ дуба, красиво сдѣланный. Тамъ лежалъ длинный ножъ въ черномъ бархатномъ футлярѣ.

Палата начала наполняться разбойниками. Измѣнника, скованнаго цѣпями, при-

вели и постановили предъ возвышеннымъ сѣдалищемъ.

Онъ былъ высокаго роста; черные волосы были всклокочены. Глаза, налитые кровью грозно, дико смотрѣли на окружающихъ. Лицо, распухнувшее отъ пьянства и неистовства, не похоже было на человѣческое. Исполинская ширина плечей показывала силу его, а угрюмый видъ могъ бы испугать и самаго отважнаго мужчину.

Когда атаманъ вмѣстѣ съ Вячеславомъ вошелъ въ судебную палату, тогда разбойники поспѣшно заняли свои мѣста и умолкли.

Вячеславъ сѣлъ на скамью, а атаманъ на свое мѣсто, Одинъ изъ разбойниковъ сидѣвшій подлѣ него, взялъ со стола ножъ и приблизившись къ атаману, упалъ на колѣни и подалъ ему.

Атаманъ обнажилъ его, и лезвее его, въ коемъ, какъ въ зеркалѣ, отражались свѣчи, на подобіе молніи пересѣкло воздухъ и какъ бы заставляло содрогаться.

«Отвѣчай измѣнникъ Сережка Ворона»! такъ сказалъ Ѳомушка повелительнымъ голосомъ и помахивая ножемъ.

— Ты не судья мнѣ. потому не стану отвѣчать тебѣ,—сказалъ Ворона:

«Увидимъ! Гей, товарищи, Андрюшка Лихой, Ванька Жигалка! катай его!»

Приказаніе атамана было тотчасъ исполнено. Двое изъ товарищей кинулись къ преступнику и начали бить его дубовыми прутьями, лежавшими въ углу палаты.

Непріятная экзекуція продолжалась долго; разбойникъ, избитый и измученный, повалился на полъ и застоналъ дико.

«Отвѣчай мнѣ, что тебя понудило измѣнить намъ и подвести войско воеводы къ нашему притону?» спрашивалъ атаманъ.

— Не буду отвѣчать тебѣ!—крикнулъ преступникъ, и продолжалъ стонать.

«Товарищи! что по вашему мнѣнію слѣдуетъ за то, если кто измѣнитъ клятвѣ?»

— Смерть измѣннику! — воскликнули въ одинъ голосъ товарищи.

— «Такъ поступлено было съ Тарасомъ Подковой, Яшкой Гуляемъ», — сказалъ Ванюха Пытай, разбойникъ небольшаго роста, рыжеволосый и съ плутоватыми глазами.

«Если такъ, то исполните, какъ слѣдуетъ! Гаврила Ражій! возьми ножъ мой, исполни!» сказалъ Ѳомка. И тотъ разбойникъ, который подалъ ножъ, теперь принялъ его, и подошедши къ преступнику, сказалъ громогласно:

— «По приказанію славнаго атамана касимовскихъ разбойниковъ Ѳомы Сокола, я, товарищъ его, Гаврюшка Ражій, приступаю къ смертной казни Сережки Вороны, измѣнника, клятвопреступника и злодѣя своимъ товарищамъ. Глядите всѣ присутствующіе, и знайте, преступленіе наказывается строго.

И съ этимъ словомъ длинный ножъ прошибъ грудь преступника, и онъ вскрикнувши, разинулъ ротъ, страшно повелъ глазами и прошепталъ едва примѣтнымъ голосомъ: Ужасно умирать грѣшнику!

Эти слова дошли до слуха Ѳомки, онъ поблѣднѣлъ и примѣтно содрогнулся.

Вячеславъ, до этихъ поръ, сидѣвшій въ молчаніи, всталъ съ мѣста, мгновенно приблизился къ атаману и сказалъ ему, какъ бы укорительно:

— Припомни, что ты обѣщался ис-

полнить, когда мы съ тобою говорили о прошедшемъ? Новое злодѣйство прибавилъ къ прежнимъ! Повѣрь, что каждая капля крови вопіетъ на небо о мщеніи!

«Я долженъ былъ исполнить необходимое», сказалъ атаманъ.

«Товарищи! Нынѣшнее утро мы должны будемъ отправиться въ путь на добычу; куда, вы узнаете послѣ!» сказалъ атаманъ и пошелъ изъ палаты. Вячеславъ съ нимъ.

Пришедши въ свою спальню, Ѳомка сказалъ Бѣлосельскому: «Вячеславъ Юрьевичъ! Не сердись на меня за то, что я казнилъ преступника! того требовали обстоятельства.... Завтра утромъ отправимся въ Касимовъ выручать брата и сестру твою.»

ГЛАВА VI.

Чертоги князя Исака. — Комната красавицы.—Кто она?—Мечты дѣвицы.

На высокомъ берегу Оки, почти во всю длину города простирались великолѣпные чертоги престарѣлаго князя Исака. Наружный видъ былъ подобенъ величественному замку нѣмецкихъ бароновъ; высокая зубчатая каменная стѣна образовала правильный осмиугольникъ; каждый уголъ оканчивался высокою башнею съ остроконечнымъ шпилемъ; на самомъ верху, почти подъ шпилемъ, были оконцы, огражденныя желѣзными рѣшетками. Съ большой Касимовской улицы гордо красовались чугунныя ворота, которыя вели во внутренность замка. Подлѣ нихъ стояли всегда часовые, вооруженные какъ бы на

бой съ непріятелемъ. Когда владѣлецъ былъ дома, ворота были отворены: въ другомъ случаѣ заперты.

На срединѣ зданія возвышался куполъ, окрашенный зеленоватою краскою. На вершинѣ его былъ золотой шаръ и луна, почему можно догадаться, что тутъ была моленная владѣльца.

Въ одной изъ прекрасныхъ комнатъ, на бархатномъ диванѣ, украшенномъ золотымъ позументомъ и кистями, подъ тѣнію пахучихъ деревьевъ, лежала, раскинувшись, прелестная дѣвушка и казалась спящею.

Она была одѣта въ богатый сарафанъ шитый золотомъ; на головѣ и по плечамъ падалъ въ широкихъ складкахъ, изъ азіатской ткани шлафоръ. Красавица казалась средняго росту, полная собою, какъ наливное береженное яблоко. Лицо правильное, бѣлое, полное жизни, оживленное яркимъ, нѣжнымъ румянцемъ. Волосы черные, шелковистые вились въ безчисленныя кольцы и небрежно падали на грудь ея. Когда растворялся малиновый ротикъ, то обнаруживался рядъ пер-

ловыхъ зубовъ.... Но какъ описать ту невыразимую прелесть ея лица, заставляла забываться всякаго, кто только не смотрѣлъ на красавицу; какъ изобразить пылкіе, искрометные глазки, обращавшіеся на всѣ предметы съ сладостнымъ вожделѣніемъ и томленіемъ? Нѣтъ! мое перо еще не привыкло описывать такія прелести, и потому я не смѣю описывать ея красоту, чтобы не исказить ее; но предоставляю вамъ, читатели, создать, въ воображеніи красавицу, сходную съ портретомъ, мною описаннымъ.

Такова-то была 17-ти-лѣтняя Лелія, воспитанница престарѣлаго князя Исака.

Это имя дано ей было Исакомъ; по русски называлась Людмилой.

Людмила была дочь боярина московскаго Юрія Константиновича Бѣлосельскаго, припомните разсказа Вячеслава атаману Ѳомушкѣ и вы узнаете, кто былъ отецъ ея и по какому случаю она попала въ чертоги князя Исака.

Князь Исакъ лелѣялъ красавицу, какъ садовникъ лучшую свою яблоньку, для своего сераля, для того, чтобы, по до-

стиженіи цвѣтущихъ лѣтъ, она могла заступить мѣсто первой наложницы.

Онъ любилъ ее страстно и нѣсколько разъ въ день прихаживалъ къ ней, сидѣлъ съ нею и любовался ея прелестями Иногда онъ дерзалъ святотатственными руками коснуться до ея ручки; но дѣва содрогалась и молила его, чтобы онъ удалился.

Такъ Исакъ каждый разъ приходилъ къ красавицѣ съ тайнымъ, преступнымъ желаніемъ и всегда удалялся безъ успѣха. Ангелъ невинности хранилъ невидимо дѣву!

Она, какъ неясный сонъ, припоминала о лѣтахъ младенчества, проведенныхъ въ родительскомъ домѣ, припоминала Москву, свою свѣтлицу, няню-разсказщицу, тѣнистый садъ. Объ этихъ предметахъ часто любила мечтать, и мечты эти услаждали ее, убаюкивали сердце сладостнымъ чувствомъ. Въ нихъ она забавала горесть тоску и скуку одиночества.

Такъ проходило ея младенчество.

Съ наступленіемъ юности, она начала задумываться и мечтать о чемъ-то не-

понятномъ; какое-то тайное желаніе по временамъ закрадывалось въ ея дѣвственную грудь и воспламеняло щечки яркимъ румянцемъ. Она не могла сама себѣ дать отчета, чего ей хочется? чего недостаетъ? отъ чего томится сердце?

И въ такомъ раздумьи садилась она подлѣ своего завѣтнаго оконца, подымала бѣлую занавѣску и смотрѣла внимательно на зарѣчье, на поле, испещренное цвѣтами, на отдаленныя деревеньки, рощи, на изгибы широкой сердитой Оки, которая, каза ось, хотѣла подмыть стѣны чертоговъ Исака.

Часто глаза ея останавливались на позлащенныхъ крестахъ церквей русскихъ въ то время грудь ея тѣснили вздохи; глаза наполнялись слезами.

Она помнила, что нѣкогда ходила во святые храмы, молилась передъ алтаремъ Тріединаго помнила, какъ мать ее учила креститься и уже не могла никакъ привыкнуть забыть о Христѣ, какъ заставлялъ ее князь Исакъ; не смѣла призывать въ помощь Магомета, котораго имя прославляли окружающія наложницы

и служительницы, въ особенности самъ Исакъ.

Она не могла разрѣшить, отъ чего она чувствовала радость, когда призывала въ помощь Христа Спасителя, Богородицы и Ангела Хранителя, и напротивъ, содрогалась и трепетала, когда вспоминала о Магометѣ.

Людмила съ благовѣйнымъ чувствомъ взирала на Божій храмъ, недалеко стоявшій отъ Оки въ тѣнистой рощѣ. Съ радостію внимала звону колокола, когда онъ призывалъ православныхъ на служеніе въ церковь, и съ отвращеніемъ слушала взыванія слѣпаго муэдзина, сзывавшаго однообразнымъ: Алла-га! магометанъ на молитву.

Истинная божественная релегія, посѣянная въ младенчествѣ въ ея сердце, непримѣтно, тайно управляла ея волею, чувствомъ и разумомъ.

ГЛАВА VII.

Всадникъ. — Любопытсвомъ Леліи. — Разсказъ подруги. — Первый взглядъ. — Задумчивость Леліи.—Что-то будетъ!

Однажды Лелія, когда по обыкновенію, сидѣла подлѣ оконца своего, уоидѣла какого-то всадника въ доспѣхахъ великокняжескихъ, проѣзжавшаго полевою дорогой. Прекрасный вороной конь, сынъ степей африканскихъ, казалось, гордился своею ношею; шелъ величественно, жеманисто и, рисуя красивые круги, показывалъ легкость и стройность ногъ.

Всадникъ былъ одѣтъ въ чешуйчатую броню; на немъ былъ атласны коротенькій полуказакинъ, обложенны золотымъ позументомъ; черезъ плечо висѣлъ мечъ на позолоченной цѣпи; голова украшалась серебристымъ шишакомъ съ бѣлыми и пунцоовыми страусовыми перьями. Золотая закрывала лицо всадника; лишь кудрявые шелковистые волосы падали изъ-подъ нея на широкія и могучія плечи его.

Всадникъ казался высокаго роста и статенъ собою.

Лелія, увидѣвши его, покраснѣла; какое-то чувство, знакомое давно душѣ ея заставило ее затрепетать. Она съ наслажденіемъ смотрѣла на всадника, то, улыбаясь какъ ребенокъ, то вздыхала, какъ будто онъ напоминалъ собою потерянное блаженство.

Лелія въ то время сидѣла съ подругою наложницею князя Исака, которая нѣкогда была русскою.

«Скажи, Заира, кто это ѣдетъ по Окской долинѣ», спросила Лелія.

— Это всадникъ московскаго велика-

го князя, вѣроятно посланный съ какими-нибудь вѣстьми къ нашему хану.

«Какъ онъ прекрасно одѣтъ», сказала Лелія.

— Да, по его наряду можно узнать, что онъ служитъ при дворѣ великаго князя Когда я жила въ Москвѣ, видала великолѣпную великокняжескую прислугу. Кто такъ одѣтъ, тотъ называется рындою. Рынды, молодыя боярскіе дѣти, извѣстныя красотою и добротою сердечною. Они, такъ сказать, составляютъ прелесть двора и служатъ потѣхою великому князю.

Между тѣмъ всадникъ приближался къ берегу Оки, къ тому мѣсту, гдѣ ходилъ плотъ ил паромъ. Соскочивъ съ коня своего, онъ бережно, окоротивъ удила, держалъ его въ продолженіи переѣзда черезъ рѣку.

Она вся превратилась въ зрѣніе. Коралловыя очи, блестящія яркимъ лучемъ денницы, приковались къ переѣзжающему всаднику. Лицо ея покрывалось пурпуромъ; пышная грудь колебалась не ровно и выражала состояніе ея чувствъ. Маленькій розовый ротикъ вы казывалъ

ряды зубовъ и какую-то тайную, страстную улыбку.

Между тѣмъ всадникъ переправился черезъ рѣку, сѣлъ опять на коня своего и медленно поѣхалъ къ стѣнамъ чертоговъ князя Исака; и, вѣроятно, привлеченный его наружностію, онъ началъ его осматривать.

Лелія, замѣтивши эго, разстворила свое оконце, громко застучавши рамою для того, чтобы привлечь вниманіе всадника. Онъ въ самомъ дѣлѣ поднялъ голову и мгновенно остановилъ коня своего, какъ бы пораженный встрѣчею съ красавицею Онъ снялъ шишакъ свой и пробылъ нѣсколько времени неподвижно.

Лилея внимательно смотрѣла на юношу-красавца, а всадни любовался, восхищался дѣвою-красавицею. Лелія, казалось видѣла въ немъ давно знакомый призракъ который прилеталъ къ ней въ минуты ночнаго успокоенія.

Всадникъ, можетъ быть, также встрѣтилъ въ лицѣ прелестный ѳбрязъ того идеала, который онъ возсоздавалъ себѣ

въ мечтахъ. И потому они долго смотрѣли другъ на друга и любовались.

Наконецъ всадникъ надѣлъ шишакъ и, поклонившись низко красавицѣ, тихо поѣхалъ подлѣ стѣны. Лелія, увлеченная тайнымъ стремленіемъ, также поклонилась всаднику и смотрѣла до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду.

Лелія закрыла оконце, сѣла на диванъ и начала мечтать, разумѣется, о незнакомцѣ. Ея подруга, казалось, проникла въ думу ея, и сказала, улыбаясь:

«Ахъ, Лелія! еслибы ты могла перенестись, съ помощію какого-нибудь волшебника, въ чертоги великаго князя московскаго, сколько бы ты увидала прекрасныхъ юношей!»

— Быть можетъ. Но прекраснѣе этого, я думаю, нѣтъ на свѣтѣ. Еслибы ты мнѣ не сказала кто онъ, я бы приняла его за жителя неба; его лицо, его одежда такъ обворожили меня, что въ продолженіи того времени, какъ онъ стоялъ и смотрѣлъ на меня, я забыла совершенно все на свѣтѣ. Его черты лица врѣ-

зались неизгладимыми чертами въ моемъ сердцѣ!

«Но какая отъ того будетъ польза? Онъ на свободѣ, ты въ неволѣ; онъ видитъ безпрестанно красавицъ, и, можетъ быть, какая-нибудь уже занимаетъ его сердце.

— Я, Заира, не понимаю, что ты говоришь. Пускай я этого всадника никогда не увижу, онъ всегда будетъ храниться въ воображеніи. и я его стану любить мысленно, сердечно, какъ любила моихъ родителей, братьевъ, подругъ!— сказала Лелія.

«Но, повторяю опять, что ты только станешь мучить себя и болѣе ничего. Не лучше ли полюбить тебѣ нашего князя Псака, который тебя обожаетъ и хочетъ назвать супругою?» продолжала Заира.

— Ты его теперь супруга. Я неужели замѣню твое мѣсто, оскорбивши тебя, мою подругу. Ты теперь повелительница его рабовъ, а тогда будешь простотою невольницею. Нѣтъ, Заира, я не решусь отдаться во власть благодѣтелю моему, хотя бы мнѣ угожала смерть. Будь ты

его супругою всегда; люби его, если можешь, и наслаждайся счастіемъ; а я буду мечтать о моемъ всадникѣ; и эти мысли будутъ для меня также пріятны, какъ и мечты о Москвѣ,604динѣ, отеческомъ кровѣ, родителяхъ и объ лѣтахъ младенческихъ счастливыхъ!....

Сказавши это, она вышла въ другую комнату, а Заира, какъ бы опомнившись сказала:

«Правда; если, она будетъ наложницей Исаковой, я буду рабою, жалкою невольницею. Но етого не должно быть».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ѲОМА СОКОЛЪ

АТАМАНЪ РАЗБОЙНИКОВЪ,

или

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЪ КАСИМОВА.

РОМАНЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА.
1887

ГЛАВА I.

Задумчивость Леліи.—Заира.—Опять онъ. — Разговоръ незнакомыхъ. — Обѣщаніе всадника.

Прошло три дня.

Лелія не отходила отъ завѣтнаго оконца, сидѣла задумчиво и какъ бы кого дожидалась.

Подруги часто приходили къ ней и старолись разсказами развлечь свою любезную подругу.

Но напрасны были ихъ старанія: Лелія не внимала и смотрѣла на чистое поле.

— Скажи мнѣ, милая Лелюшка, о чемъ ты думаешъ? спросила ее подруга ея Заира.

— Не знаю сама; можетъ быть я

мечтаю напрасно. Уже три дня прошло, а онъ не проѣзжалъ!—отвѣчала Лелія.

„Кто онъ?“ спросила Заира, коварно улыбаясь.

— Тотъ всадникъ, что проѣзжалъ намедни,—отвѣчала Лелія.

„Полно, голубинька, думать о немъ. Что въ томъ будетъ прибыли? Ты о немъ думаешъ, крушиться; а онъ, можетъ быть, и позабылъ о тебѣ!“ говорила Заира.

— Нѣтъ, Зоринька, не можетъ быть этого; онъ такъ ласково, привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ нѣжно улыбнулся! О, Зоринька! что можетъ сравниться съ его улыбкою? Она влила отраду невыразимую! Эта отрада убаюкиваетъ меня въ сладкій сонъ, какъ добрая няня своими занимательными разсказами. Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь увидѣвши милаго юношу!—говорила Лелія.

„Берегись, чтобы это счастіе не навлекло бѣды, напасти!.... Если увидитъ нашъ князь проѣзжающаго всадника мимо замка, то его поймаютъ, и тогда плоха будетъ расплата! Ты вѣдь знаешь Исака?“ говорила Заира.

— Я за него стану молиться Богу, и Онъ его помилуетъ и сохранитъ! говорила Лелія, взглянувъ набожно на небо; потомъ опять опустила глазки свои на поле—и кто представился передъ ея глазами? отъ чего она вспыхнула?

Всадникъ выѣзжалъ изъ рощи на лугъ. Лелія поспѣшно растворила оконце и подняла бѣлый платокъ. Всадникъ, примѣтивши это, мгновенно подскакалъ къ берегу Оки, скоро переправился на паромѣ и медленно приближался къ замку.

Когда онъ былъ такъ близко, что могъ разглядѣть черты лица Леліи, то снялъ шишакъ и поклонился ей. Она ему также.

И послѣ того они стали другъ на друга смотрѣть и любоваться. Такъ прошло нѣсколько времени. Лелія, казалось, вся погрузилась въ зрѣніе: ея глаза хотѣли впечатлѣть въ себѣ образъ юноши. Она постепенно забывалась, и вдругъ неожиданно легкій вѣтеръ свѣялъ съ груди ея тонкій покровъ и понесъ по воздуху, какъ чистое легкое облачко.

Всадникъ взглянулъ быстро на дѣв-

ственную грудь красавицы и увидѣлъ пышныя, обнаженныя плечи красавицы, увидѣлъ еще что то чудное, колебавшееся, и въ восторгѣ схватилъ летавшій покровъ и началъ его цѣловать.

Красавица улыбнулась и отошла отъ оконца; но вскорѣ опять подошла, уже съ покрытыми плечиками.

„Какъ зовутъ тебя, красавица?“ спросилъ всадникъ.

— Леліей.

„Ты не Русская“?

— Русская. Теперь же невольница Князя Исака.

„Невольница князя Исака? Великій Боже! какая ужасная вѣсть! Она невольница и, быть можетъ, уже наложница!.. Ты, красавица, Русская? Какъ же твое имя?“

— Людмила.

„Какое прекрасное имячко! Людмилой

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

ственную грудь красавицы и увидѣлъ пышныя, обнаженныя плечи красавицы, увидѣлъ еще что то чудное, колебавшееся, и въ восторгѣ схватилъ летавшій покровъ и началъ его цѣловать.

Красавица улыбнулась и отошла отъ оконца; но вскорѣ опять подошла, уже съ покрытыми плечиками.

„Какъ зовутъ тебя, красавица?“ спросилъ всадникъ.

— Леліей.

„Ты не Русская“?

— Русская. Теперь же невольница Князя Исака.

„Невольница князя Исака? Великій Боже! какая ужасная вѣсть! Она невольница и, быть можетъ, уже наложница!.. Ты, красавица, Русская? Какъ же твое имя?“

— Людмила.

„Какое прекрасное имячко! Людмилой

звали сестру мою; но я бы желалъ отъ души, чтобы эта красавица была мнѣ не сестрою, а подругой. Какъ ты досталась Исаку, красавица?“

— Долго разсказывать объ моемъ несчастіи. Если бы ты могъ освободить меня, я бы разсказала о немъ. Незнакомецъ, берегись часто приближаться къ нашему замку: сторожа увидятъ и поймаютъ тебя; тогда ты можешь погибнуть,—говорила Лелія.

„За тебя, прекрасная Лелія, я готовъ на все рѣшиться. Съ того времени, какъ я увидѣлъ тебя, я полюбилъ тебя такъ, что не могу ни минуты о тебѣ не думать!?“ говорилъ всадникъ.

— И я, незнакомецъ мой, полюбила какъ брата, или какъ подругу любезную. А какъ зовутъ тебя, всадникъ?

„Ѳедоромъ. Красавица, молись усерднѣе Богу; а я за твое счастіе отслужу молебенъ вонъ въ той церкви и поставлю свѣчку Богородицѣ.“ При послѣднихъ словъ онъ показалъ рукою на деревенскую церковь, находившуюся въ рощѣ, и на которую Лелія часто съ благого-

вѣніемъ взирала, особливо въ то время, когда вечерній звонъ оглушалъ окрестность и сзывалъ православныхъ на богомолье.

— Помолись и ты за несчастную Людмилу Христу Спасителю, чтобы простилъ Онъ грѣхи мои и подкрѣпилъ бы въ напасти. Давно я не видала Святымъ образовъ! давно не взирала на лики Спасителя и Богородицы! Нечестивый Исакъ хочетъ обратить меня въ магометанскую вѣру и принуждаетъ выдти за него замужъ; но я рѣшительно ему отказала и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и лучше непорочность свою и душу, освященную Христовой вѣрой, унесу въ могилу!

„Надѣйся, Людмила, на помощь Божію. Онъ поможетъ мнѣ. Я тебя освобожу изъ неволи. Но, другъ мой, намъ теперь должно разстаться — завтра я пріѣду сюда!—Прости, Людмила.“

— Прости, Өеодоръ! Пріѣзжай завтра, я тебя буду ждать съ нетерпѣніемъ.

Всадникъ поклонился ей, она ему также. И такъ онъ отправился опять къ берегу Оки.

ГЛАВА II.

Чертоги Исака. — Спальня его. — Невольникъ. — Заира. — Пробужденіе. — Клевета. — Злодѣйство. — Хитрость Заиры. — Слабость Исака. — Размолвка. — Торжество Заиры.

Послѣ того, какъ Лелія распростилась съ всадникомъ, подруга ея, Заира вышла изъ комнаты.

Чтобы продолжить повѣсть, намъ должно послѣдовать за нею.

Заира спустилась по крутой лѣстницѣ

внизъ въ довольно обширную комнату, отлично убранную. По полу разостланы были богатые узорчатые ковры. Подлѣ стѣнъ находились изъ разноцвѣтной ткани диваны; на каждомъ изъ нихъ лежало по двѣ подушки. Надъ диванами висѣли картины, представляющія разнохорактерныя женскія сцены. Невинность закрыла бы глаза и поспѣшно удалилась бы отъ этихъ картинъ, богатыхъ, привлекательныхъ.

Потококъ былъ расписанъ,—если только можно такъ сказать объ грубомъ изображеніи безнравственныхъ фигуръ древней миѳологіи.

Въ срединѣ комнаты стоялъ квадратный столъ, рѣзной, въ иныхъ мѣстахъ позолоченный. На немъ стоялъ серебрянный кубокъ, изъ котораго пилъ кумысъ князь Исакъ.

Заира пробѣжала чрезъ эту комнату въ другую, убранную также. только выкрашенную голубою краскою.

Въ этой комнатѣ надиванѣ лежалъ старикъ въ татарскомъ халатѣ; шапочка спала съ головы его, лишенной волосъ и рукою времени и бритвою.

Лице его было страшно: какая-то дикая чувственность изображалась въ немъ Изъ-подъ длиннаго орлинаго носа висѣли усы и загибались къ ужамъ. На бородѣ у него было мало волосъ, и еслибы онъ не былъ владѣльцемъ богатаго имѣнія, то можно было бы принять его за кастрата: Ему казалось было лѣтъ шестьдесятъ.

Подлѣ него стоялъ треножникъ чернаго дерева, отлично отдѣланный и украшенный позолотою. На немъ стоялъ серебренный бокалъ, на полненный бѣловатою жидкостію.

Подлѣ треножнина въ головахъ Исака сидѣлъ на сафьянной подушкѣ маленькой татарченокъ, красивый собою и богато одѣтый. Онъ сидѣлъ подогнувъ подъ себя ноги, раздувалъ стоявшую близь него курильницу и посыпалъ благовонныя куренья. Тонкія, нѣжный, душистый дымокъ вился въ комнатѣ и близь потолка -составлялъ бѣловатое волновавшее облако. Заира. вошедши въ комнату, приблизилась къ спящему и сѣла въ ногахъ у него.

Она была чѣмъ-то встревожена. Глаза ея блистали на подобіе свѣтильника, освѣщающаго огромное темное пространство. Грудь не ровно подымалась.

Нѣсколько времени прошло; она сидѣла вп задумчивости: напослѣдокъ Исакъ протяпулся и открылъ сѣрые, непривѣтные глаза.

«Ты здѣсь, Заира?» спросилъ онъ.

— Да князь.

«Ты, кажется, чѣмъ-то разстроена?

— Правда.

«Чѣмъ же? открой мнѣ.»

— Намъ должно быть однимъ.

«Селимъ. поди вонъ!»

Мальчикъ вышелъ.

— Тебѣ, князь, угрожаетъ опасность.

«Мнѣ опасность?»

— Да.

«Что это зантчитъ?.»

— Слушай!

Исакъ сѣлъ на диванѣ, положивъ руку на плечо Заиры и сказалъ:

Какую вѣсть принесла ты мнѣ, моя любушка ненаглядная лучшій бриліантъ въ ожерельѣ моемъ?

— Вѣсть страшную, ужасную! Сперва скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

«Болѣе всего на свѣтѣ!«

— Лжешь, Исакъ.

— «Клянусь Магометомъ!»

— Не клянись напрасно: ты любишь Лелію! — Что? Смущаешся?

— «Нѣтъ! Я тебя люблю болѣе: ты моя послушная, кроткая подруга; а Лелія своенравная, злая дѣвчонка, невольница.«

— Прибавь къ тому преступница!

— «Какъ?«

— Да; она помощью какого-то всадника, хочетъ погубить тебя и выдти за него замужъ.

— «Погубить меня и выдти замужъ? Нѣтъ, это ужасно! Скажи пожалуй, что это значитъ?»

—Я тебѣ уже сказала, что твоя Гурія небесная хочетъ погубить тебя.

—Что же ты мнѣ не сказала объ этомъ прежде? Давно ли ты узнала объ ея злоумышленіе?

— За полчаса предъ этимъ.

— «Она тебѣ сама призналась?»

— Нѣтъ. Вотъ какъ это случилось. Три дня тому прошло, я и Лелія сидѣли подлѣ окна, изъ котораго видно Окское поле. Мы разговаривали о судьбѣ нашей и я начала говорить ей о любви твоей къ ней, о намѣреніи жениться; она съ презрѣніемъ говорила о тебѣ и язвительно смѣялась надъ твоею старостію. Вдругъ неожиданно на полянѣ появился всадникъ. Онъ привлекъ все ея вниманіе; она растворила окно и начала махать платкомъ.

«Всадникъ между тѣмъ приблизился и остановился подлѣ оконца Снявши шишакъ свой, онъ поклонился Леліи и она

ему также. Такъ продолжалося нѣсколько времени.»

«На другой день, т. е. ынече, тотъ же всадникъ приблизился къ окну, и Лелія открыла его и начала смотрѣть на всадника.»

«Потомъ кинули ему платокъ, который онъ поднялъ и поцеловалъ нѣсколько разъ, Напослѣдокъ они навали разговаривать и уговариваться, какъ бы погубить тебя и освободится изъ неволи. Завтра онъ опять обѣщался пріѣхать.»

—И завтра я его убью! сказалъ Исакъ злобно. Что выражало лице его? О! как, описать эти ужасныя черты воспаменной злобы!

Заира съ наслажденіемъ смотрѣла на злодѣя.

«Я ихъ обоихъ отправлю на тотъ свѣтъ они тамъ станутъ жить вмѣстѣ!» продолжалъ онъ, улыбаясь злобно.

—Вотъ ты кого полюбилъ, князь! Вотъ

твоя возлюбленная что тебѣ готовитъ! Брось Заиру, они тебѣ ужъ не нужна болѣе: земная дѣвушка не можетъ быть вѣчно непорочно! Лелія еще молода, собою прекрасна, она можетъ возбудить въ тебя къ своему сердцу и кинжаломъ поразитъ тебя! Что медлишь, князь мой, повелитель мой? Гони отъ себя постылую Заиру— и замѣни ее Леліею. О Исакъ, Исакъ, какъ ты нецостояненъ! Какъ ты не благодаренъ къ твоей Заирѣ? Она тебя любитъ, дышетъ тобою—а ты ее презираешь! Забылъ ты, князь, мои горячія лобзанія въ тѣ мгновенія, когда рука твоя блуждала по моей дѣйственной груди! Забылъ, когда, упоенный страстію, клялся любить меня вѣчно, неизмѣнно! Ты все забылъ, клятвопреступникъ! Сознайся самъ кто лелѣялъ тебя, какъмилое дитя, нагруди своей; кто исполнялъ малѣйшія твои желаніе; кто была твоей послушнѣйшей рабынею? Кто, князь!... Я!—Да, Заир лелѣяла тебя, любила и дорожила твоимъ спокойствіемъ—забывая о своемъ —Сознавайся самъ кому ты обязанъ бо-

лѣе изъ всѣхъ твоихъ наложницъ? Ты молчишь;— Нѣтъ, отвѣчай!

«Я всѣмъ тебѣ обязанъ! Ты единственно мое утѣшеніе. Ты будешь наслѣдницей всѣхъ богатствъ моихъ! Будь увѣрена что я не измѣню тебѣ.—не измѣню своимъ клятвамъ Какъ! ты могла подумать о моей невѣрности? Какой демонъ вселилъ въ тебя подозрѣніе?»

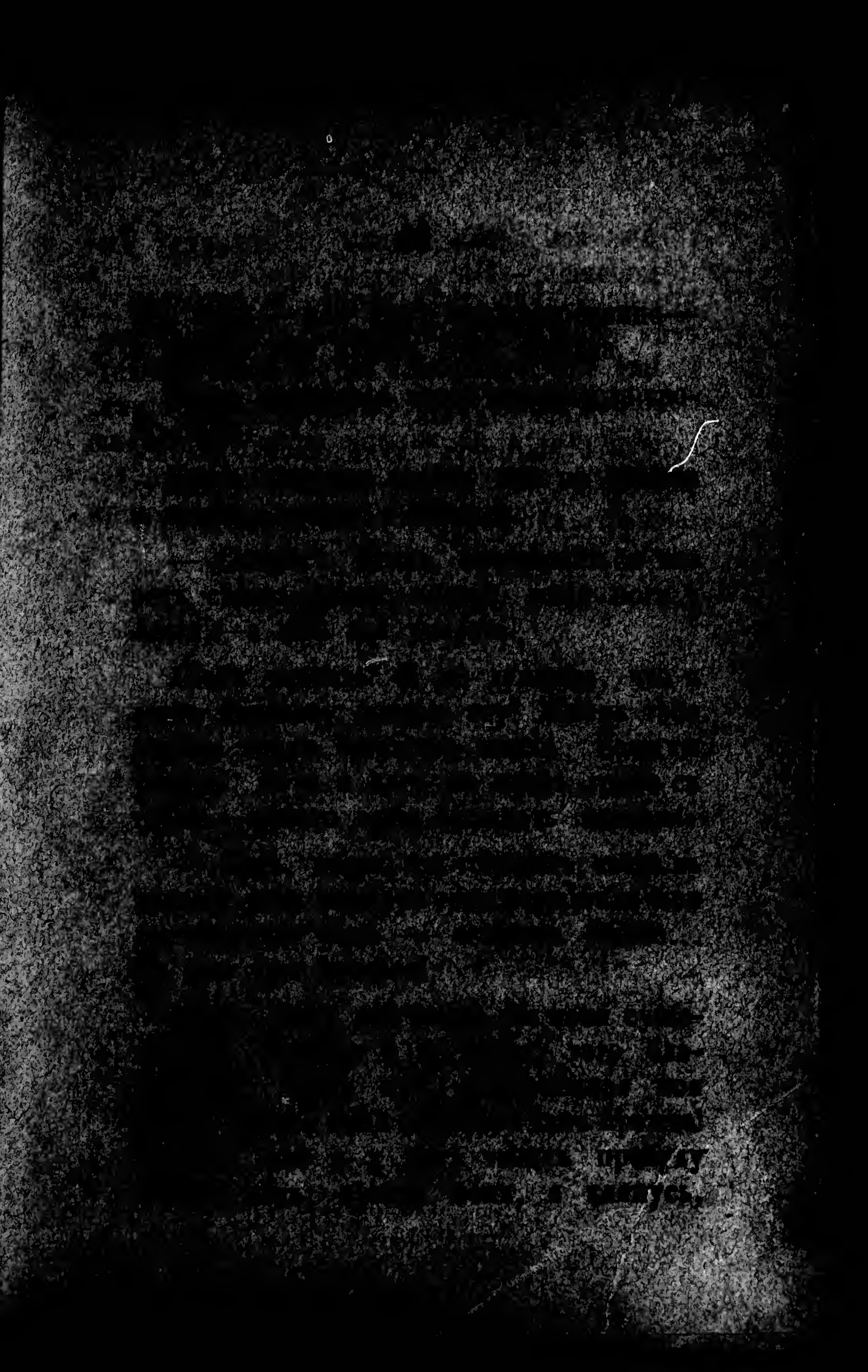
— Не демонъ, но ты самъ?

«Клевета!»

— Не ты ли во время ночи ходилъ къ Леліи и старался соблазнить ее любить ее до могилы и изгнать меня? Не ты ли какъ собаченка ползалъ передъ ней и лизалъ ея ноги? Не ты ли слышалъ призрительныя слова ея и не смѣлъ сердиться?—Признайся!

«Правда, Заира, винюсь передъ тобою. Если ты любишь, то простишь меня.»

— Что тебѣ за нужда: прощу ли я, нѣтъ ли, тебѣ дорога твоя Лелія. Ступай къ ней, ползай на колѣняхъ. Я уйду

лѣе изъ всѣхъ твоихъ наложницъ? Ты молчишь; — Нѣтъ, отвѣчай!

«Я всѣмъ тебѣ обязанъ! Ты единственно мое утѣшеніе. Ты будешь наслѣдницей всѣхъ богатствъ моихъ! Будь увѣрена что я не измѣню тебѣ. — не измѣню своимъ клятвамъ Какъ! ты могла подумать о моей невѣрности? Какой демонъ вселилъ въ тебя подозрѣніе?»

— Не демонъ, но ты самъ?

«Клевета!»

— Не ты ли во время ночи ходилъ къ Леліи и старался соблазнить ее любить ее до могилы и изгнать меня? Не ты ли какъ собаченка ползалъ передъ ней и лизалъ ея ноги? Не ты ли слышалъ призрительныя слова ея и не смѣлъ сердиться? — Признайся!

«Правда, Заира, винюсь передъ тобою. Если ты любишь, то простишь меня.»

— Что тебѣ за нужда: прощу ли я, нѣтъ ли, тебѣ дорога твоя Лелія. Ступай къ ней, ползай на колѣняхъ. Я уйду

отъ тебя — или умру преждевременно — и смерть моя будетъ тебѣ отрадна.

Заира послѣднія слова произнесла трогательно.

Князь кинулся передъ ней на колѣни и началъ молить о пощадѣ.

— Стыдись, Исакъ, пресмыкаться передъ своею рабою; ползай, лижи ноги у Леліи,—а мнѣ дай умереть!

«Тебѣ умереть? И ты думаешь, что я легко перенесу потерю эту? Жизнь твоя дорòже всѣхъ богатствъ моихъ. Если ты умрешь, то и я лягу въ одинъ гробъ съ тобою—живаго велю засыпать землею!»

— Такъ, князь, ты говорилъ, когда въ первый разъ поцѣлуи твои разжигали мои дѣвственныя уста: — вспомни былое... Но оно уже прошло!

«Нѣтъ, нѣтъ, оно вѣчно для меня существуетъ. Никогда я не забуду того блаженства! Другъ мой, неоцѣненная моя Заира, прости меня и полюби какъ прежде! Прости, или я у ногъ твоихъ пробуду цѣлый вѣкъ; прости меня, я клянусь,

что не измѣню тебѣ вѣчно; да поразитъ меня Магометъ!» говорилъ трепещущій Исакъ и цѣловалъ ноги хитрой красавицы.

— Живи, князь, благополучно, да продлитъ Магометъ вѣкъ твой! Встань, любезный мой, я забываю все,—сказала торжественно Заира, и князь Исакъ кинулся въ ея объятія.

ГЛАВА III.

Θеодоръ.—Разговоръ влюбленныхъ.—Подарокъ: что онъ выражаетъ. — Упоеніе друзей.—Поэзія любви.—Внезапный страхъ. —Смущеніе Людмилы.

Всадникъ исполнилъ обѣщаніе Леліи. Рано, когда лишь солнце подымалось и можетъ оно одно только любовалось природою, онъ стоялъ уже передъ окномъ красавицы и дожидался когда оно растворится.

Лелія по какому-то тайному чувству не спала въ это время и въ одной только ночной одеждѣ подошла къ окну, растворила его и выглянула.

Всадникъ поймалъ взорами красавицу, видѣлъ мгновенно станъ ея и вскрикнулъ отъ удивленія. Лелія также содрогну-

лась и поспѣшила накинуть верхнюю одежду.

— Здравствуй, Лелія! сказалъ всадникъ.

«Здрувствуй, Өеодоръ,» привѣтсвовала красавица, улыбаясь нѣжно.

— Рано же ты встаешь, Лелія!

«И ты, Өэодоръ, знать любишь наслаждаться природою, солнце только что подымается, а ты ужъ стоишь подлѣ замка!»

— Я дожидался твоего появленія! Милая, несравненная дѣвушка, красавица Русская, моя ненаглядная, скажи привѣтное слово, порадуй имъ! Скажи: «я люблю тебя; люблю, люблю—и не знаю какъ выразить любовь мою.

«Если такъ, то я счастливъ.—И вотъ моя Лелинька, прими отъ меня подарокъ и храни его.»

При этихъ словахъ онъ снялъ съ шеи золотую цѣпочку, въ которой прикрѣпленъ былъ крестъ и сердечко, и кинулъ въ окно

красавицы. Она поимала и, по внушенію сердца, поцѣловала нѣсколько разъ.

— Скажи же, другъ мой, что это значитъ, что выражаетъ твой подарокъ, который я стану носить на груди подлѣ самаго сердца?

«Изволь, моя любезная я растолкую значеніе его. Цѣпь означаетъ союзъ нашихъ сердецъ; сердечко—любовь мою къ тебѣ, которая соединяетъ и освѣщаетъ союзъ нашъ; а крестъ означаетъ терпѣніе, смиреніе христіанское, надежду на помощь Того, Кто пострадалъ на немъ.»

— О, какой драгоцѣнный твой подарокъ! сколько онъ выражаетъ таинственнаго, высокаго! Самъ Богъ вразумилъ тебя подарить меня имъ! Благодарствуй, любезный мой! Я стану молить за тебя Господа, буду денно и нощно просить Его, чтобы Онъ благословилъ тебя во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ—и ниспослалъ бы свыше благодать.

«Молись Ему, красная, молись усерднѣе, чтобы Онъ услышалъ молитву твою и помогъ мнѣ исполнить мои намѣренія. Они чисты, непорочны, безгрѣшны; отъ

нихъ зависитъ мое счастіе, блаженство; они могутъ оживотворить сердце мое сладкимъ, благотворнымъ бытіемъ. Понимаешь ли ты меня, красавица?»

— Молиться за тебя, мой милый, я стану сколько силъ у меня станетъ; но не могу угадать твоихъ намѣреній и потому не понимаю ихъ, сказала Лелія.

«Мои намѣренія: освободить тебя изъ неволи, и если такъ я буду счастливъ, соединиться съ тобой во святомъ храмѣ предъ алтаремъ Всевидящаго священнымъ бракомъ».

— Исполнится ли это когда нибудь? Буду ли я столько счастлива, что назову тебя моимъ супругомъ? Блеснетъ ли мнѣ когда нибудь на зарѣ дней моихъ отрадный лучь денницы и освѣтитъ ли мое сердце, отуманенное печалями? Өеодоръ, не обманываешь ли ты меня неопытную не тѣшишься ли надо мною? Если такъ, то Богъ съ тобою!

«И ты еще сомнѣваешься, еще не увѣрилась изъ словъ моихъ и восторженныхъ поцѣлуевъ, которыми я осыпалъ покровъ съ груди твоей, въ моей люб-

ви къ тебѣ, расположеніи? Я не знаю, научи меня, какъ мнѣ выразить любовь мою? О, красавица! пойми меня, пойми состояніе души и сердца, и награди меня взаимною любовію! Людмила. поклянись что ты любишь меня и станешь любить до гробовой доски!»

— Θеодоръ! я тебя третій день видаю могу ли потому поклясться въ любви передъ Всевышнимъ? Могу ли произнести клятву передъ незнакомымъ мнѣ юношею въ любви? Подумай, любезный Θеодоръ: клятва передъ Господомъ много значитъ! Быть можетъ ты—и соб... хотя я никакъ не думаю....

«Соблазнитель — ты хотѣла сказать? Нѣтъ, красавица, я начинаю думать иначе — хотя дума ужасна. Ужъ не помѣнялась ли ты сердцемъ съ другимъ? Нѣтъ ли у тебя возлюбленнаго, моего соперника? Если такъ, то скажи мнѣ откровенно: я удалюсь отъ тебя и болѣе не увижу!»

— Нѣтъ, нѣтъ, Θеодоръ! я въ первый разъ говорю съ юношею и въ первый чувствую сердечное расположеніе къ тебѣ; въ этомъ клянусь передъ Творцемъ! Но

могу ли я надѣяться, что ты уважишь любовь бѣдной сироты?

«Красавица! я богатъ; но съ кѣмъ мнѣ раздѣлить мои богатства? До сихъ поръ я не находилъ ни одной красавицы, которая бы могла заставить трепетать мое сердце. Передъ тобою же я подвергаюсь самъ и дѣлаюсь рабомъ твоимъ: цѣпи такого рабства для меня пріятнѣе въ тысячу разъ свободы!»

Такъ говорилъ Ѳеодоръ и, соскочивъ съ коня, палъ передъ ней на колѣни.

— Боже милосердый, подкрѣпи меня! Твои слова, любезный незнакомецъ, прожигаютъ мое сердце; я чувствую, что вся трепещу, что мысли мои волнуются. Милый Ѳеодоръ! Ты влилъ въ меня какой-то восторгъ, обновилъ бытіе мое; теперь я стану съ радостію встрѣчать привѣтную денницу она будетъ предшествовать нашему свиданію!

Такъ говорила въ восторгѣ Лелія.

— Такъ, прелестная, до тѣхъ поръ, пока не найду случая освободить тебя,

я стану пріѣзжать къ тебѣ и любоваться тобою. О Лелія, милая Лелія! что можетъ сравниться съ твоимъ взглядомъ? какая красавица въ мірѣ непокажется безобразною передъ твоимъ лицемъ? Я не знаю не умѣю съ чѣмъ сравнить тебя! Сравню ли съ цвѣточкомъ, онъ хорошъ,—но ты, твоя красота превосходитъ его! Въ какомъ цвѣткѣ столько прелестей, какія въ твоемъ лицѣ? Сравню ли очи твои съ голубымъ небомъ, съ ясною путеводную звѣздою; но это будетъ недостаточно: на небѣ появляются облака тучи—и прощай небо, его не видно! Вспыхиваетъ денница—и прости путеводная звѣзда—она гаснетъ! А твои очи, веселыя, живыя, привѣтнѣе денницы, яснѣе неба, свѣтлѣе путеводной звѣзды!—Но скажи, съ чѣмъ сравнить уста твои?—Ты молчишь, улыбаешся и эта улыбка устъ твоихъ заставляетъ меня усомниться, точно ли ты дѣва! Не созданіе ли моего пылкаго воображенія, не игра ли природы? Если бы можно было представить тебя предъ всѣмъ свѣтомъ, я спросилъ бы унего: «кто можетъ сравниться съ нею? покажите мнѣ кра-

савицу, которая бы могла превзойти ее»?

—О, конечно, весь міръ, вся вселенная преклонилась бы передъ тобою!

«Какъ красно говоришь ты, Өеодоръ? Ни отъ кого, я не слыхала такихъ сладкихъ рѣчей. Мое сердце трепещетъ отъ радости; твои слова, какъ медъ, сладятъ уста мои, и если бы можно было, я бы кинулась къ тебѣ изъ оконца, повисла бы на шею и сказала бы: «я люблю тебя, мой сердечный! Люблю, люблю! и не знаю другаго слова, которое бы могло выразить чувство моего расположенія къ тебѣ!»

— Если бы не этотъ проклятый ровъ, наполненный водою, не эта зубчатая стѣна: я бы забрался къ тебѣ и, послѣ того, что я услышалъ, умеръ съ тобою, превратившись въ одинъ восторженный, вожделѣнный поцѣлуй!... Лелія! молись Богу. чтобы Онъ помогъ мнѣ освободить тебя, и тогда ты познала бы наслажденіе, блаженство, познала бы что такое любовь и что значить любить!

«Если бы это было поскорѣе! О какъ

мнѣ хочется узнать, что значитъ любить!» — сказала Лелія восторженно.

— Богъ помощникъ! Надѣйся на Него.

Вдругъ въ это время по лѣстницѣ раздались шаги; Лелія содрогнулась, кинулась къ дверямъ и потомъ поспѣшно воротилась къ окну.

— Спасайся Ѳеодоръ, ради Бога скачи скорѣе! Идетъ ко мнѣ мой владѣлецъ!

Всадникъ вскочилъ на борзаго коня и помчался къ Окѣ.

ГЛАВА IV.

Исакъ. — Разговоръ его съ Людмилою. — Первая ложь.—Гнѣвъ Исака.—Опять всадникъ.—Его печаль.—Три противника. — Неравная битва.—Преступникъ.—Тюрьма. Сосѣдка безтслесная.—Ходъ въ тюрьмѣ.

— Боже мой, что будетъ съ нимъ! Спаси его Господь его, Господь, помилуй! произнесла лелія тихо и перекрестилась.

Въ это время растворилась дверь и вошелъ князь Исакъ.

Лице его было угрюмо, непривѣтно; глаза блистали яростію, Но онъ, стараясь скрыть злость свою, принужденно улыбнулся и сказалъ какъ бы радушно:

Здравствуй мой цвѣтокъ любимый! Мнѣ послышалось, что ты съ кѣмъ-то разговаривала?

Лелія, трепеща, отвѣчала:

«Нѣтъ, я одна въ комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала.»

—Въ первыи разъ я отъ тебя слышу ложь. Я самъ видѣлъ, что подлѣ стѣны стоялъ какой-то всадникъ и разговаривалъ съ тобою. Глупенькая, ты хотѣла скрыть отъ меня, но не съумѣла. Будь увѣрена, что все, не только что дѣлаешь но даже мыслишь, мнѣ извѣстно, — говорилъ Исакъ.

«Великій Боже!» вскрикнула испуганная дѣвушка, «спаси и сохрани его!»

— Нѣтъ, душенька, ужъ вѣрно онъ больше къ тебѣ не пріѣдетъ. Я его упрячу, моего голубчика, въ такое мѣстечко, что не скоро выйдетъ на бѣлый свѣтъ.

«Злодѣй, и меня съ нимъ вмѣстѣ!« произнесла Лелія отчаяннымъ голосомъ.

—Не торопись, голубушка! Такая, какъ ты, красавица—рѣдкость, и потому я намѣренъ на тебѣ жениться.

Вспыхнула Лелія какъ маковъ цвѣтъ,

затрепетала и упала безъ чувствъ на полъ.

Испугался Исакъ, кинулся изъ комнаты и чрезъ нѣсколько времени возвратился съ толпою невольницъ.

— Раздѣньте ее и приведите въ чувство! былъ приказъ князя,—и невольницы повиновались.

Исакъ забылъ о всемъ, переставъ дышать, когда увидѣлъ Лелію во всей красотѣ дѣвической.

Послѣ этого Заирѣ трудно будетъ заставитъ Исака позабыть о Леліи, позабыть о блаженствѣ, упоеніи!

На другой день, вмѣстѣ съ солнечнымъ всходомъ, явился витязь подлѣ стѣны и, стреноживъ коня своего; началъ ходить задумчиво.

Долго онъ смотрѣлъ на привѣтное оконце, но оно не отворялось и не подымалось бѣлая занавѣсъ бѣлоснѣжною привѣтною рукою красавицы.

Такъ прошло много времени, которое для Ѳедора казалось слишкомъ продолжительно; въ счастіи, въ веселья время быстро летитъ, непримѣтно.

Вдругъ трое лихихъ наѣздниковъ показались изъ-за угла лѣвой башни и быстро приближались къ нему. По ихъ неистовымъ движеніямъ, можно было принять ихъ за людей недобрыхъ.

Ѳедоръ поймалъ коня своего, сѣлъ на него и смѣло поѣхалъ легкою рысью къ нимъ на встрѣчу.

Они съѣхались и пріостановились.

Нѣсколько времени длилось молчаніе.

Казалось, противники мѣрили другъ друга глазами.

— Зачѣмъ ты ѣздишь здѣсь каждый день и разговариваешь съ невольницею? спросилъ одинъ наѣздникъ.

«Я не обязанъ никому на такой грубый вопросъ отвѣчать; а особляво тебѣ, невольнику какого-нибудь Татарскаго князька, ничтожнаго раба моего Великаго Князя!« сказалъ запальчиво Ѳедоръ.

— Я тебя заставлю отвѣчать на всѣ вопросы и сбью спѣсь Московитскую. Гей! невольники, берите его!—крикнулъ тотъ же наѣздникъ.

«Это не такъ легко какъ ты думаешь

Сперва помѣряемся мечами!» сказалъ Θедоръ и обнажилъ мечъ свой.

Противники также.

Закипѣлъ неравный бой.

Бѣлосельскій рубился мастерски, но скоро началъ уставать и чувствовать, что силы его слабѣютъ.

Вдругъ тотъ, который повелѣвалъ двоими наѣздниками, подрубилъ переднія ноги коню Θеодора и онъ повалился на землю съ дикимъ стономъ.

Бѣлосельскій неожиданно потерялъ перевѣсъ и упалъ на землю.

Того то и было надо противникамъ.

Они мгновенно соскочили съ лошадей и кинулись на него. Не успѣлъ Θедоръ оправиться, какъ руки его уже были скручены.

—Попался ты намъ, пріятель! Теперь ужъ больше тебѣ невидать невольницы. Тащите его въ замокъ! Тамъ его посадимъ на колъ, говорилъ первый наѣздникъ.

«Если вы осмѣлитесь это сдѣлать, то ни вы, ни ханъ вашъ, ни самъ Каси-

ковъ не уцѣлѣютъ! Умертвить витязя царскаго—Боже васъ избави! Вы не знаете, что такое онъ значитъ? Вы не можете нанести мнѣ непріятности, если не хотите подвергнуться грозному наказанію Царя Рускаго! Вѣрьте, Что смерть моя будетъ ему извѣстна: братъ мой Вячеславъ донесетъ объ ней, и тогда... повторяю, берегитесь!»

—Хорошо, пріятель, мы теперь посадимъ въ клѣтку, а потомъ узнаемъ, что съ тобою дѣлать,— сказалъ старшій.

Всадникъ безъ сопротивленія дался въ руки врагамъ своимъ и пошелъ съ ними во внутренность замка.

Прошедши длинный широкій дворъ, они вступили въ темный корридоръ, который только освѣщался малыми отверстіями, или оконцами, задѣланными желѣзными рѣшетками.

Корридоръ этотъ привелъ ихъ къ большой желѣзной двери, запертой тяжелымъ замкомъ. Одинъ оруженосецъ отперъ и отворилъ ее; тогда представился глазамъ Ѳедора мрачный, сырой, ужасный под-

валъ. Онъ также замѣтилъ скамью подлѣ стѣны и на ней пукъ соломы.

—Вотъ до времени жилище твое! сказалъ старшій и, втолкнувши Өедора, самъ поспѣшно вышелъ съ товарищами.

«Что мнѣ теперь дѣлать? Кто поможетъ въ несчастіи? Кто выручитъ изъ бѣды? Богъ—Онъ одинъ въ силахъ освободить меня; на Него моя надежда!» говорилъ Өедоръ, осматривая новое свое жилище.

Малый свѣтъ въ длинныя и узкія оконца слабо освѣщалъ его. Однако можно было разсмотрѣть этотъ подвалъ душный и сырой.

Өедоръ, осматривая стѣны, увидѣлъ въ углу человѣческій остовъ, который висѣлъ на веревкѣ, привязанной къ гвоздю.

Нашъ несчастный заключенный приблизился къ своему новому сосѣду, чтобы съ нимъ познакомиться и поразсмотрѣть его.

Это былъ скелетъ, совершенно лишенный тѣла, и если бы не коса длинная, шелковистая, уцѣлѣвшая на головѣ, то

онъ не могъ бы узнать, кому онъ принадлежалъ.

—Давно ли висишь ты моя любезная сосѣдка? За какое преступленіе тебя наказали такъ жестоко? Быть можетъ и меня ждетъ такая же участь! говорилъ Ѳедоръ.

Размышляя объ участи своей, онъ сѣлъ на скамью и въ глубокой задумчивости пробылъ долгое время.

Между тѣмъ наступила обѣденная пора. Ѳедоръ узналъ это потому, что старый, суровый Татаринъ принесъ ему кусокъ черстваго хлѣба и ковшикъ воды.

Долго тянулся для него этотъ день; наконецъ наступила ночь и заключенный легъ на солому спать.

На другой день, осматривая опять подвалъ свой, онъ сдѣлалъ важное открытіе: нашелъ желѣзную плиту и поднявши ее съ усиліемъ, увидѣвъ лѣстницу, по которой о пошелъ искать приключеній.

ГЛАВА V.

Извѣстіе о всадникѣ.— Предпріимчивость Людмилы.—Неожиданное появленіе всадника.—Удивленіе его и Людмилы.— Исакъ. —Гнѣвъ его.—Жестокосердіе.— Преступники.— Висѣлицы.— Молитва друзей,

Почти въ то же время, какъ случились описанныя происшествія съ Ѳеодоромъ, Лелія пришла въ память, и мутными умоляющими глазами смотрѣла на окружающихъ ее невольницъ, которыя старались исполнять все, что ей угодно.

—Подруженьки мои! незнаете ли, что

случилось съ тѣмъ оруженцомъ, который пріѣзжалъ къ стѣнамъ замка? спрашивала печально Лелія.

Молчаніе было отвѣтомъ.

—Вѣрю, его уже нѣтъ въ живыхъ; злодѣй Исакъ погубилъ его! О милый, несравненный Ѳедоръ, любезный юноша! Если ты погибъ, то я жива не буду и я не стану наслаждаться счастіемъ въ мирѣ—любоваться имъ и восхищаться созданіемъ его! продолжала Лелія голосомъ тихимъ, можно сказать умирающимъ. Какое было состояніе дѣвушки! Если бы можно было заглянуть въ ея сердце—что бы нашли въ немъ? Животворила ли его любовь пылкая, благотворная?

Одна невольница вышла изъ комнаты и потомъ чрезъ нѣсколько времени опять возвратилась съ печальнымъ видомъ.

—Госпожа! я узнала о всадникѣ, сказала она.

«Узнала? Живъ ли онъ?

—Живъ, но находится въ замкѣ въ заточеніи. Исакъ хочетъ умертвить его.

»Умертвить его! Нѣтъ, этого не бу-

дѣтъ» произнесла Лелія отчаяннымъ голосомъ, а потомъ продолжала, какъ въ безуміи

— Подруженьки! скажитѣ мнѣ откровенно, хороша ли я?

«Прекрасна!» отвѣчали невольницы.

—Давно я не наряжалась. Принесите мнѣ лучшее мое платье и одѣньте; я хочу полюбоваться собою.

Невольницы вышли въ другую комнату. Лелія продолжала:

—Спасу тебя, мой несравненный Ѳедоръ! Пожертвую моею непорочностію для твоей свободы—пожертвую всѣмъ, только бы ты былъ благополученъ!

Въ это время возвратились невольницы.

Лелія поспѣшно сбросила съ себя прежнее и надѣла платье свѣтлоголубой ткани, шитое серебрянными узорами и окаймленное по подолу серебряною широкою блестящею бахромою, все это шло къ лицу Леліи. Оно не закрывало плечики и грудь ея какъ бы для того, чтобы всѣ любовались этимъ созданіемъ и ихъ чудною, невыразимою красотою.

На шею Лелія надѣла бриллiантовое ожерелье, а на голову бриллiантовое солнце. Ножки ея охватывались голубыми шелковыми сапожками, шитыми серебромъ.

Одѣвшись, Лелія посмотрѣла въ зеркало и спросила съ самодовольствіемъ.

—Хороша ли я?

—Красавица! отвѣчали въ одинъ голосъ невольницы, — и это была правда.

—Подруженьки, пришлите ко мнѣ Исака, — сказала Лелія, и невольницы вышли.

Красавица сѣла на диванъ, противъ зеркала, и долго смотрѣлась въ него; потомъ на глазахъ у нея блестнули слезы, щеки мгновенно вспыхнули, она сказала печально:

—Лелія! скоро тебя не будетъ: скоро могила будетъ чертогомъ тебѣ и простой саванъ украшеніемъ твоихъ прелестей.

И головка ея склонилась къ груди; и жемчужная слезка пала на щеку и пока-

тилась по ней, и тяжелый вздохъ поколебалъ грудку.

Вдругъ неожиданно подлѣ стѣны подымается половица. Лелія испугавшись, глядитъ туда, и что же представилось ея изумленнымъ очамъ?

Өедоръ вышелъ изъ открывшейся потаенной двери, и вдругъ увидѣвъ неожиданно свою возлюбленную какъ бы онѣмѣлъ.

Представьте удивленіе друзей! Они смотрятъ другъ на друга и молчатъ; удивленіе оковало уста ихъ.

Они любуются другъ другомъ, какъ ребенокъ любуется игрушкою, которая иму нравится.

Такъ продолжается нѣсколько времени.

Напослѣдокъ Лелія сказала:

— Өедоръ, я тебя ли вижу?

«Милая, несравнинная Лелія! ты ли это?» сказалъ Өедоръ.

—Какъ ты защелъ ко мнѣ?

«Судьба, милосердая судьба, привела меня взглянуть на тебя, былъ можетъ въ послѣдній разъ. Меня скоро умерт-

витъ владѣлецъ этого замка. Ахъ, Лелія! еслибы Богъ освободилъ насъ!»

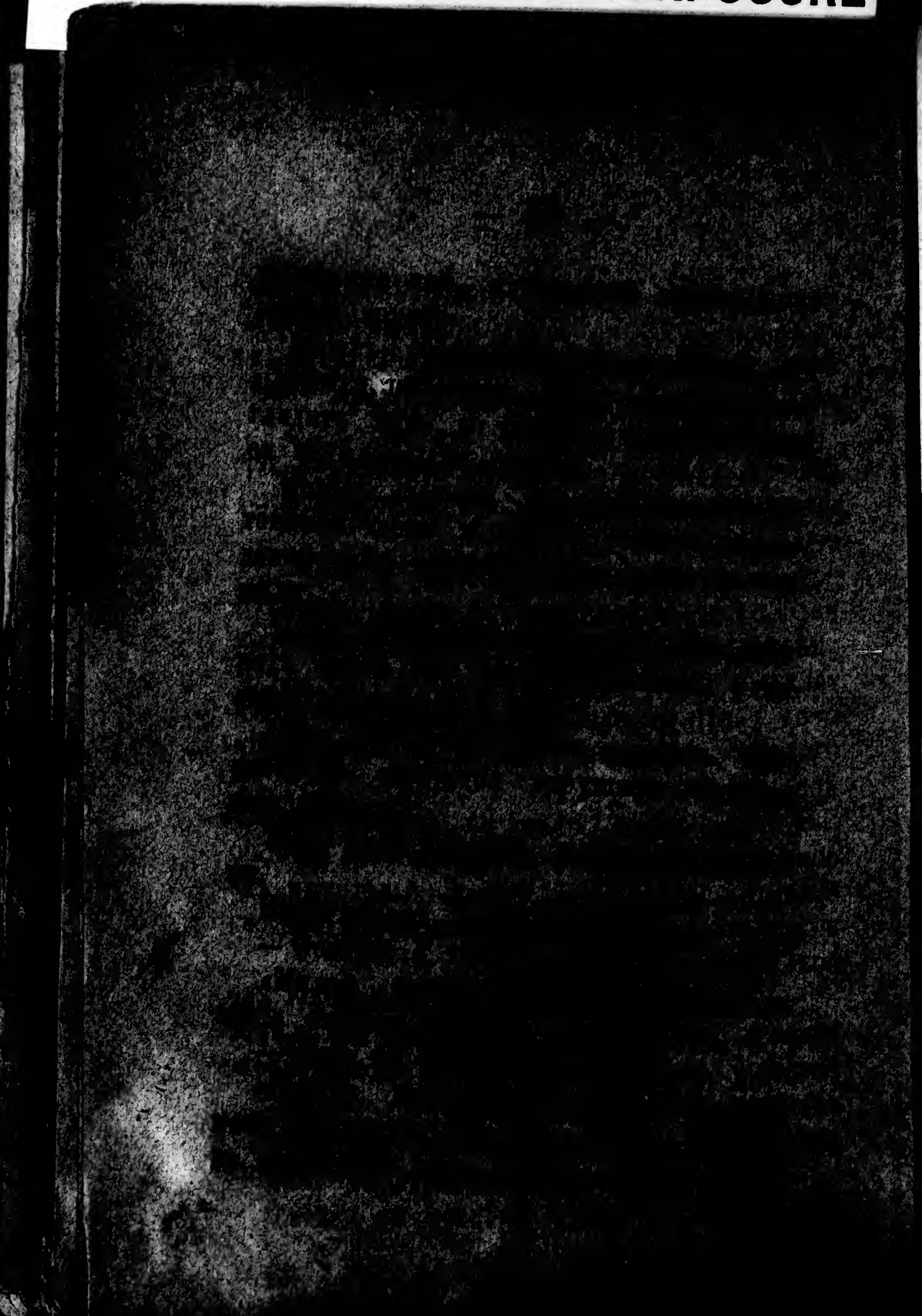
—Надѣйся на Него, Онъ милосердъ! сказала Лелія, и съ этимъ словомъ вошелъ Исакъ. Представьте, читатели мои, его удивленіе!

—Ты надо мною смѣешся, презрѣнная раба! Посылаешъ за мною, чтобы удивить меня своими прелестями и заставить ползать передъ тобою? Нѣтъ! теперь ужъ болѣе тебѣ не царствовать! Ты будешъ невольницию, а пріятель твой теперь же погибнетъ.

Исакъ произнесъ это ужаснымъ голосомъ. Трудно выразить злость его, изобразить черты лица. Онъ вышелъ вонъ и потомъ возвратился опять съ толпою невольниковъ и невольницъ.

— Берите его и удавите теперь же! сказалъ онъ первымъ. Снимите съ нея богатую одежду и накиньте грубою, и возьмите къ себѣ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ послѣднимъ.

«Людмила, прости навѣчно»! воскликнулъ Бѣлосельскій и кинулся къ ней на шею.

витъ владѣлецъ этого замка. Ахъ, Лелія! еслибы Богъ освободилъ насъ!»

—Надѣйся на Него, Онъ милосердъ! сказала Лелія, и съ этимъ словомъ вошелъ Исакъ. Представьте, читатели мои, его удивленіе!

—Ты надо мною смѣешся, презрѣнная раба! Посылаешъ за мною, чтобы удивить меня своими прелестями и заставить ползать передъ тобою? Нѣтъ! теперь ужъ болѣе тебѣ не царствовать! Ты будешъ невольницию, а пріятель твой теперь же погибнетъ.

Исакъ произнесъ это ужаснымъ голосомъ. Трудно выразить злость его, изобразить черты лица. Онъ вышелъ вонъ и потомъ возвратился опять съ толпою невольниковъ и невольницъ.

— Берите его и удавите теперь же! сказалъ онъ первымъ. Снимите съ нея богатую одежду и накиньте грубою, и возьмите къ себѣ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ послѣднимъ.

«Людмила, прости на вѣчно»! воскликнулъ Бѣлосельскій и кинулся къ ней на шею.

—Прости, Өедоръ! надѣйся на Бога онъ нашъ защитникъ! произнесла Лелія нѣжно, цѣлуя его.

Исакъ кинулся къ друзьямъ и силою разорвалъ юныхъ страстныхъ людей

—· Ведите ихъ на смерть обоихъ крикнулъ Исакъ и несчастныхъ друзей невольники повели по лѣстницамъ ипереходамъ на широкій дворъ.

Между тѣмъ Исакъ осматривалъ тотъ переходъ, которымъ взошелъ Өеодоръ къ Леліи.

— Дьяволъ меня возьми, еслибъ я зналъ то есть эта лѣстница! Я бы его засадилъ еще глубже! говорилъ князь. Потомъ подбѣжалъ къ своимъ преступникамъ и, увидѣлъ, сказалъ имъ, улыбаясь:

— Ну, друзья, теперь какъ-то вы станете любоваться другъ другомъ! Скорѣе исполните приказъ мой: удавите ихъ! Пусть они оба полетаютъ подъ облаками.

На просторномъ дворѣ уже было приготовлены нѣсколько висѣлицъ. Вѣрно Исакъ часто отправлялъ на тотъ свѣтъ невольниковъ и невольницъ своихъ.

Θеодоръ съ твердостію повиновался судьбѣ; съ благоговѣніемъ преклонилъ колѣна и началъ молить Творца объ отпущеніи грѣховъ: слезы лились изъ очей его; лице выражало священное высокое чувство.

Людмила также послѣдовала примѣру Θеодора, стала на колѣни и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

Два друга были подобны Ангеламъ, которыхъ послалъ Творецъ на землю молиться за грѣхи человѣка.

Исакъ кинулся къ нимъ и перервалъ ихъ моленія. Невольники потащили преступниковъ на висѣлицы.

ГЛАВА VI.

Пожаръ.—Суматоха въ чертогахъ Исака.—Паденіе башни. — Толпа незнакомцевъ.—Гибель Исака.—Спасеніе Людмилы и Ѳеодора.—Братъ Вячеславъ.—Новость, непріятная для Ѳеодора.—Ужасъ въ подземельѣ. —Разсказъ Людмилы.—Тайна Атамана.

„Пожаръ, пожаръ!" раздался крикъ на улицѣ за оградою замка. "Пожаръ!" кричали сторожа Исака, которые стояли на угловыхъ башняхъ и подлѣ воротъ.

— Гдѣ пожаръ? спрашивалъ Исакъ,

испуганный неожиданностію, у подбѣжавшихъ къ нему невольниковъ.

Дымный столбъ мгновенно поднялся надъ башнею, обращенною къ берегу Оки, и потомъ огненная струя обѣжала ее; еще нѣсколько времени, и пламя обняло башню и она съ громомъ, съ шумомъ обрушилась.

Мгновенно дымная туча сгустилась надъ замкомъ. Исакъ забылъ о преступникахъ: невольники испуганныя также не знали, что дѣлать. Всѣ бѣгали, суетились и ничего не дѣлали.

Въ то же время толпа вооруженныхъ всадниковъ вскакала на дворъ и, спѣшившись, кинулась съ неистовствомъ на невольниковъ княжескихъ.

Одинъ изъ всадниковъ кинулся на шею къ Өеодору и крѣпко прижалъ его къ сердцу.

— Вячеславъ! воскликнулъ Өеодоръ.

„Өеодоръ!" произнесъ радостно Вячеславъ, и оба осыпали другъ друга безчисленными поцѣлуями.

Между тѣмъ прочіе всадники перевязали многихъ рабовъ и ранили самого

Исака, который, остервенившись, защищался.

Вы, я думаю, читатели мои, догадались, кто эти всадники?

То былъ Ѳомушка съ своими товарищами разбойниками. Ко времени же они подоспѣли!

Лелія ничего не понимала и трепетала вся. Ѳеодоръ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и подвелъ къ брату.

— Любезная Лелія, это братъ мой Вячеславъ. Мы ему обязаны спасеніемъ. Злодѣя Исака ужъ нечего опасаться: онъ будетъ наказанъ по заслугамъ. Господь спасъ насъ и мы можемъ надѣяться на будущее счастіе!

Лелія пала въ ноги Вячеслава и слезами доказала свою благодарность. У Вячеслава также заискрились слезы, и онъ напослѣдокъ кинулся къ Леліи и началъ цѣловать. Ѳеодоръ и сама она не понимали. что это значитъ;—но послѣ вос зарженныхъ поцѣлуевъ, Вячеславъ скалотъ;

— Красавица, не зовутъ ли тебя Людмилой Юрьевной?

„Да, это было Русское мое имя.“

— Помнишь ли ты родителей своихъ? помнишъ ли брата Вячеслава, котораго такъ нѣжно любила и который лелѣялъ тебя какъ дитя родное? продолжалъ Вячеславъ.

„Я начинаю припоминать черты лица моего брата; онъ походилъ на тебя...“

— Я самый братъ твой! Людмила, покажи мнѣ правую руку, на ней, подлѣ локтя, есть родимое пятнышко на подобіе креста,

Лелія обнажила руку, и въ самомъ дѣлѣ, родинка была на сказанномъ мѣстѣ.

Тогда снова кинулся Вячеславъ обнимать Людмилу, сестру свою, какъ избавитель. Ѳеодоръ съ задумчивостью смотрѣлъ на эту сцену и, казалось, равнодушно цѣловалъ сестру свою.

Между тѣмъ Ѳомушка управлялся съ Исакомъ. По его приказанію несчастный князь былъ связанъ и положенъ на землю вмѣстѣ съ невольниками. Разбойники разсыпались по замку и ломали чего нельзя было взять.

Исака, который, остервенившись, защищался.

Вы, я думаю, читатели мои, догадались, кто эти всадники?

То былъ Өомушка съ своими товарищами разбойниками. Ко времени же они подоспѣли!

Лелія ничего не понимала и трепетала вся. Өеодоръ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и подвелъ къ брату.

— Любезная Лелія, это братъ мой Вячеславъ. Мы ему обязаны спасеніемъ. Злодѣя Исака ужъ нечего опасаться: онъ будетъ наказанъ по заслугамъ. Господь спасъ насъ и мы можемъ надѣяться на будущее счастіе!

Лелія пала въ ноги Вячеслава и слезами доказала свою благодарность. У Вячеслава также заискрились слезы, и онъ напослѣдокъ кинулся къ Леліи и началъ цѣловать. Өеодоръ и сама она не понимали, что это значитъ;—но послѣ восзарженныхъ поцѣлуевъ, Вячеславъ скалотъ;

— Красавица, не зовутъ ли тебя Людмилой Юрьевной?

„Да, это было Русское мое имя.“

— Помнишъ ли ты родителей своихъ? помнишъ ли брата Вячеслава, котораго такъ нѣжно любила и который лелѣялъ тебя какъ дитя родное? продолжалъ Вячеславъ.

„Я начинаю припоминать черты лица моего брата; онъ походилъ на тебя...“

— Я самый братъ твой! Людмила, покажи мнѣ правую руку, на ней, подлѣ локтя, есть родимое пятнышко на подобіе креста,

Лелія обнажила руку, и въ самомъ дѣлѣ, родинка была на сказанномъ мѣстѣ.

Тогда снова кинулся Вячеславъ обнимать Людмилу, сестру свою, какъ избавитель. Ѳеодоръ съ задумчивостью смотрѣлъ на эту сцену и, казалось, равнодушно цѣловалъ сестру свою.

Между тѣмъ Ѳомушка управлялся съ Исакомъ. По его приказанію несчастный князь былъ связанъ и положенъ на землю вмѣстѣ съ невольниками. Разбойники разсыпались по замку и ломали чего нельзя было взять.

Потомъ, когда всѣ рабы были схвачены, они, по приказанію Ѳомушки, затушили пожаръ. Атаманъ осмотрѣлъ всѣ комнаты, видѣлъ прекрасныхъ невольницъ и запретилъ молодцамъ своимъ обижать ихъ.

Потомъ возвратился къ Бѣлосельскимъ и сказалъ имъ, что все кончено, что имъ должно возвратиться въ свое подземелье.

Бѣлосельскіе и разбойники отправились.

Передъ вечеромъ они возвратились домой и Ѳомушка приказалъ изготовить пышный ужинъ послѣ токого торжественнаго дѣла. За ужиномъ начались разсказы Ѳеодора и Вячеслава, которые мы знаемъ изъ самой повѣсти, но разсказы Леліи и Атамана для насъ любопытны.

„Когда мы жили въ Касимовѣ,“ такъ начала Лелія, „я любила часто гулять въ ближней липовой рощѣ и собирать цвѣты и ягоды. Часто я примѣчала какого-то страшнаго человѣка: чернаго, стараго, горбатаго. Онъ всегда внимательно смотрѣлъ на меня и, казалось, старался пугать меня своимъ безобра-

зіемъ. Однажды, это случилось передъ вечеромъ, безобразный человѣкъ приблизился ко мнѣ молча и схватилъ сильно, такъ, что я едва осталась жива. Я крикнула было; но онъ сказалъ мнѣ сердито, что убьетъ меня при малѣйшемъ крикѣ! Я не смѣла пикнуть и едва переводила духъ. Страшный человѣкъ принесъ меня въ богатые чертоги и продалъ князю Исаку, и съ тѣхъ поръ я не видала ни родины, ни родителей, ни сродниковъ!“

„Скучно, скучно мнѣ было жить въ одиночествѣ; особливо между иновѣрцами поклонниками Магомета! Такъ прошло восемь лѣтъ; я уже возросла, выросла и старый Исакъ не одинъ разъ предлагалъ мнѣ руку свою и богатства; но я рѣшительно отказала ему, и онъ наконецъ рѣшился погубить меня. Богъ, защитникъ невинныхъ, спасъ меня и любезнаго брата моего Ѳеодора!“

Лелія окончила разсказъ свой.

— Давно ли я думалъ о тебѣ, милая, несравненная Лелія, какъ о подругѣ, какъ

о будущей супругѣ; и теперь я долженъ распроститься съ этою милою для сердца мыслію. Ты не можешъ быть супругою моею и я не буду твоимъ мужемъ.

„Знать такъ угодно Господу! Не тужи о томъ, любезный братецъ; мало ли есть красавицъ на Руси; вѣрно есть такія, передъ которыми я простая дѣвушка."

— Я по крайней мѣрѣ не видывалъ тебѣ подобной; кажется всѣ красавицы вмѣстѣ не могутъ представить столько прелестей, сколько въ твоемъ одномъ лицѣ!

Съ удовольствіемъ слушала слова эти Людмила; улыбаясь, смотрѣлъ на нее Вячеславъ; Атаманъ Ѳомушка также значительно смотрѣлъ на Лелію.

Одинъ лишь Ѳеодоръ былъ задумчивъ и эту задумчивость не трудно понять.

Ѳомушка, казалось, проникнулъ въ его сердечную думу и сказалъ торжественно.

— Бояре мои! открыть ли вамъ тайну, которая будетъ пріятна для Ѳеодора Юрьевича?

Людмила быстро посмотрѣла на него и покраснѣла.

— Скажи пожалуйста, любезный Ѳомушка, порадуй меня! сказалъ Ѳеодоръ.

„Теперь ужъ поздно: завтра утромъ я вамъ открою ее, а теперь пора спать.“

По приказанію Атамана, сторожъ зазвонилъ въ колоколъ и тишина ночи распространилась въ подземельѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ѲОМА СОКОЛЪ

АТАМАНЪ РАЗБОЙНИКОВЪ,

или

ПОДЗЕМЕЛЬЕ БЛИЗЬ КАСИМОВА.

РОМАНЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

ЧАСТЬ III.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА.
1887.

ГЛАВА I.

Рѣчь Ѳомушки.—Ея дѣйствіе.—Торжество раскаянія.

— —

На другой день Ѳомушка проснулся рано, созвалъ своихъ товарищей и сказалъ имъ слѣдующее голосомъ строгимъ и повѣлительнымъ:

«Товарищи! Мы уже болѣе не разбойники; вчера разбойничество наше окончилось Довольно; у насъ много, сребра и злата, дорогихъ тканей и самоцвѣтныхъ

драгоцѣнныхъ каменьевъ; мы можемъ жить достаточно. Все, что ни есть у насъ, я раздѣлю поровну между вами, и каждый взявши свой достатокъ, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ. Все то, что принадлежитъ мнѣ, я раздѣлю на двѣ части: одну отдамъ въ монастырь, куда самъ намѣренъ идти, а другую подарю тому, кто милъ моему сердцу. Отъ нынѣшняго дня я даю вамъ сроку двѣ недѣли, въ продолженіи коихъ вы должны будете пріискать себѣ новое мѣсто жительства. Нашего стана болѣе не будетъ; я его и уничтожу; можетъ останутся одни только признаки нашего пріюта, которые будутъ напоминать потомкамъ нашимъ объ существованіи атамана разбойниковъ Ѳомушки.

«Товарищи! Давно имена наши страшны въ окрестностяхъ Касимовскихъ; давно намъ читаются въ православныхъ церквахъ проклятія; давно Московскій Бѣлый Царь ищетъ насъ и назначилъ цѣну за головы наши; давно, давно мы обречены на ужасную, постыдную смерть; и потому спрашиваю васъ, товарищи, не лучше ли

намъ оставить постыдное ремесло свое и испросить прощеніе у Царя-Батюшки? Не думайте вы, чтобы онъ такъ былъ разгнѣванъ на насъ, что непремѣнно хотѣлъ бы смерти нашей: нѣтъ! онъ проститъ, когда узнаетъ разскаяніе наше. Богъ принимаетъ покаяніе жесточайшихъ преступниковъ и награждаетъ ихъ въ вѣчности; и Царь есть Богъ земной; онъ проститъ насъ, и тогда мы можемъ спокойно доживать остатокъ жизни и готовиться къ будущей...

«Вотъ, товарищи, мои намѣренія: отправить въ Москву къ Царю Государю челобитную и ожидать со смиреніемъ окончанія нашей участи. Кто не погрязъ еще въ безднѣ злодѣяній, кто не сознается въ преступленіяхъ своихъ, тотъ не послушается моихъ увѣщаній, и тотъ рано ли поздно погибнетъ? Кто хочетъ оставить прежнее ремесло свое и раскаяться предъ Богомъ и Государемъ, тотъ да подниметъ руку въ знакъ согласія!»

Всѣ разбойники мгновенно подняли руку и произнесли единогласно:

— Да судитъ насъ Богъ и Государь! Мы готовы оставить разбойничество и покориться законамъ правосудія!

И тогда атаманъ Ѳомушка кинулся къ товарищамъ своимъ и началъ каждаго изъ нихъ обнимать и цѣловать торжественно.

Со слезами сердечнаго раскаянія и удовольствія обнимали разбойники другъ друга.

ГЛАВА II.

Радость Вячеслава, Феодора и Лелiи.—Обѣщанiе Вячеслава.—Благодарность разбойниковъ.—Утро.

Въ это время всталъ Вячеславъ и одѣвшись, пошелъ по знакомымъ ему переходамъ на дворъ подышать чистымъ воздухомъ; но увидѣвши, что ворота отворены, вышелъ въ нихъ и хотѣлъ было идти въ ближнюю рощу, какъ увидѣлъ на зеленой лужайкѣ, ограниченной кру-

гомъ столѣтними деревьями, молящихся разбойниковъ.

Удивленный, простоялъ онъ нѣсколько времени. Потомъ осторожно приблизился и сталъ внимательно смотрѣть на лица товарищей. Удивленіе, казалось, болѣе и болѣе изображалось на лицѣ его.

По окончаніи молитвы, товарищи опять радушно обнялись, и атаманъ, подошедши къ Вячеславу, поклонился низко и сказалъ весело:

«Добрый день, бояринъ! Какъ проводилъ ночь? Что боярышня здорова ли?»

— Слава Богу! Скажи пожалуйста, Ѳомушка, что нынче у васъ за праздникъ? Вы такъ усердно молились, чего прежде не было.

«Мы молили Бога, чтобы Онъ простилъ грѣхи наши и забылъ преступленія. Мы поклялись торжественно оставить прежнее ремесло — разбойничество, и хотимъ отправить повинную къ царю. Онъ вѣрно приметъ разскаяніе наше и

простить насъ, если же и не проститъ, то мы со смиреніемъ будемъ ожидать окончанія нашей участи и съ раскаяніемъ примемъ наказаніе. Богъ проститъ насъ счастливо въ вѣчности!»

— Великъ для васъ нынѣшній день! Быть можетъ, онъ первый въ вашей жизни Теперь я назову тебя и товарищей твоихъ друзьями и обниму васъ торжественно. Какъ обрадуется братъ и сестра!

Вячеславъ обнялъ товарищей.

— Я самъ стану ходатайствовать за васъ передъ государемъ, и вѣроятно онъ даруетъ вамъ прощеніе.

Разбойники пали передъ нимъ на колѣна.

Черезъ нѣсколько времени Ѳомушка приказалъ собраться товарищамъ своимъ въ судебной комнатѣ и снести туда всѣ сокровища, которыя хранятся во всѣхъ кладовыхъ.

Потомъ приказалъ приготовить богатый

завтракъ для Вячеслава, Θеодора и сестры ихъ.

Товарищи его повиновались съ радушіемъ, и въ скоромъ времени подъ вѣтвями столѣтняго клена приготовленъ былъ столъ.

Между тѣмъ проснулась Лелія и Θеодоръ.

«Братецъ!» сказала она, поздоровавшись съ нимъ; «долго ли мы станемъ жить въ этомъ заточеніи? Въ немъ страшно, ужасно. Я нынче ночь почти не спала; какія-то видѣнія безпрестанно представлялись передъ моими глазами и пугали меня! Боже мой! Я не позабуду никогда этой ночи! Пойдемъ братецъ, поскорѣе на чистый воздухъ: я не могу болѣе быть подъ такими мрачными сводами.

Θеодоръ взялъ сестру за руку и повелъ ее по переходамъ къ выходу и напослѣдокъ на дворъ.

Тутъ встрѣтили ихъ Вячеславъ и Θомушка.

«Что вы такъ веселы? Подѣлитесь съ нами радостію,» сказала Лелія.

— Чему мы веселимся, тому всѣ добрые возрадуются! Ахъ сестрица! какой торжественный день для Ѳомушки и его товарищей! сказалъ Вячеславъ.

«Развѣ нынче ночью было много добычи! Велика же радость!» сказалъ съ досадною усмѣшкою Ѳеодоръ.

— Нѣтъ! Ѳомушка и его товарищи поклялись торжественно оставить разбойничество и предаться правосудію государя, — сказалъ Вячеславъ.

«Если такъ, то мы радуемся и раздѣлимъ удовольствіе съ вами,» сказалъ Ѳеодоръ.

— Я приготовилъ вамъ, гости мои, завтракъ. Не угодно ли будетъ вамъ подкрѣпить силы, чѣмъ Богъ послалъ, сказалъ Ѳомушка.

Бѣлосельскіе сѣли застолъ.

Ѳомушка, какъ хозяинъ, началъ ихъ

подчивать. По окончаніи завтрака, подано было по большой серебряной стопѣ романеи, и братья, пожелавши хозяину и его сотоварищамъ добраго успѣха, осушили ихъ.

Послѣ того они пошли въ судебную палату, куда снесены были богатства изъ всѣхъ подваловъ. Все, что въ продолженіи двадцати лѣтъ было награблено, теперь лежало передъ глазами, въ огромныхъ кучахъ.

Тутъ были бриліантовыя, жемчужныя ожерелья, серьги, кольца, перстни, золото, серебро, драгоцѣнная утварь, богатыя ткани, парча, бархаты; все это составляло привлекательную для корыстолюбца массу.

Прежде это тѣшило Ѳомушку и его товарищей; но теперь они съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на сокровища, омытыя кровью и слезами невинныхъ, погубленныхъ жертвъ.

Товарищи по приказанію заняли свои

мѣста, а атаманъ сѣлъ на извѣстное уже намъ сѣдалище.

Бѣлосельскіе помѣстились подлѣ него по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ началось задѣданіе.

Атаманъ Ѳомушка собралъ все свое краспорѣчіе, чтобы убѣдить разбойниковъ не плѣняться богатствомъ и, продавши его, вырученныя деньги раздать по церквамъ и монастырямъ.

Желаніе его сбылось. Прежніе корыстолюбцы охотно отдали всѣ свои богатства, чтобы вмѣстѣ съ ними сложить бремя грѣховъ и злодѣяній. Благодѣтельное чувство раскаянія сильно проникло въ сердца ихъ и заставило рѣшительно позабыть зло и прилѣпиться къ добру.

Странно, почти невѣроятно, отчего такъ скоро произошла въ нихъ такая разительная перемѣна? Какъ могли хищные звѣри превратиться въ смиренныхъ животныхъ? Можетъ, это и бываетъ: все имѣетъ предѣлъ. Богъ восхотѣлъ положить предѣлъ ихъ злодѣйствамъ, и торжественная минута раскаянія настала.

Послѣ засѣданія Ѳомушка приказалъ товарищамъ своимъ убрать сокровища и, заложивши три тройки, нагрузить повозки ими; самъ же отправился съ Бѣлосельскими въ рощу и тамъ, на прекрасной лужайкѣ, началъ имъ разсказывать слѣдующее.

ГЛАВА III.

Разсказъ Ѳомушки.

Я былъ шестнадцати лѣтъ въ то время, когда покойный родитель вашъ отправился воевать на Татаръ. Матушка ваша осталась безъ него беременна. Боярину, который любилъ ее страстно, не хотѣлось оставить ее, и онъ прощался съ ней, проливая обильныя слезы. Всю дворню умолялъ беречь госпожу свою и дорожить ея спокойствіемъ.

Разумѣется, мы всѣ любили ее и поклялись боярину беречь Елизавету Глѣбовну. Батюшка вашъ уѣхалъ, сказавши мнѣ при прощаніи: «смотри Ѳомка, утѣшай боярыню; живъ возвращусь, награжу тебя.» Я поцѣловалъ его руку и онъ отправился.

Къ боярынѣ стали наѣзжать гости; начались веселости, хотя она и не принимала въ нихъ участія. Бѣдная, каждый часъ все ждала извѣстія о смерти супруга.

Я думаю, вы помните боярыню Ртищеву, любимцу и пріятельницу вашей покойной родительницы! Съ ней-то она проводила дни дѣлила, время; онѣ обѣ были въ одинаковомъ положеніи, обѣ отпустили супруговъ своихъ на войну и были беремены.

Всѣ тайны онѣ открывали другъ другу, и часто я слыхалъ, что матушка ваша говорила:

«Ахъ! голубушка моя, Прасковья Власьевна! Что, если бы Богъ далъ мнѣ дочку на утѣшенье, я была бы рада. Я бы не знала, какъ утѣшаться ею; одѣвала бы ее какъ кукулку, и выростила бы всѣмъ на удивленіе!»

— А я такъ желаю сынка; дочери мнѣ надоѣли; то ли дѣло мальчикъ! Я бы его стала готовить въ службу царскую, и росъ бы онъ у меня соколомъ и выросъ бы молодцемъ!—говорила боярыня Ртищева.

Я подслушалъ тайну и рѣшился исполнить ихъ намѣренія, если судьба не сдѣлаетъ напротивъ.

Вамъ извѣстно также, что бабушка, которая принимала дѣтей у вашей родительницы и Ртищевой, была мнѣ родною теткой. Я сказалъ ей объ тайнѣ, и она запретила мнѣ и думать о такомъ злодѣйствѣ.

Ну! теперь трудно будетъ исполнить мое намѣреніе! думалъ я; но случай представился, и я имъ воспользовался. У тетки на рукахъ были домашнія птицы: куры, кочеты, русскіе и заморскіе, фазаны и другія. Она какъ то въ потьмахъ задавила любимаго боярскаго кочета, которымъ онъ восхищался, когда потѣшался кочетовой охотой.

Бѣда тетушки была неминуемая. Бояринъ за этого кочета ничего бы на свѣтѣ не взялъ, онъ любилъ его, какъ друга, самъ кормилъ его изъ своихъ рукъ. и кочетъ зналъ своего благодѣтеля Бывало, только лишь бояринъ пойдетъ къ окну, кочетъ встрепенется и прямо сядетъ на плечо его. Рѣшительно моей тетушкѣ оставалось одно: лѣзть въ петлю, что она и хотѣла сдѣлать, но я не допустилъ ее.

«Тетушка родимая! чѣмъ давиться, давай лучше подымемся на хитрости. Хо-

четь ли, я освобожу тебя отъ наказанія!» спросилъ я ее.

— Сдѣлай милость, Ѳомушка пособи, горю!

«Пособлю, только ты исполни мою просьбу»

— Изволь, голубчикъ, какую тебѣ угодно.

«Я прошу о томъ, что если родится сынъ у нашей боярыни, а у Ртищевой дочь, то перемѣни ихъ. Все равно! Онѣ не будутъ этого знать и стану любить, какъ дѣтей своихъ. Если хочешь, тетушка, то я согласенъ; если же не сдѣлашь этого, то я, какъ пріѣдетъ бояринъ, все разскажу ему, и даже о томъ что хотѣла давиться.

Старуха моя струсила; я еще болѣе сталъ стращать ее, и наконецъ рѣшилась если у боярыни родится сынъ, подмѣнить

ее дѣвочкой; а я взялся избавить ее отъ наказанія за смерть кочета.

Между тѣмъ время шло, напослѣдокъ наступили родины. Судьба мнѣ благодѣтельствовала. Боярыня наша и Ртищева родили въ одно время, и первая сына, а послѣдняя дочь. Старуха моя тетушка испугалась, прибѣжала ко мнѣ и сказала объ этомъ; я ей напомнилъ объ обѣщаніи и о кочетѣ.

Боярыня Ртищева въ это время гостила у насъ, и потому и теткѣ моей не трудно было сдѣлать подлогъ.

«Чѣмъ порадуешь меня, Василиса?» спросила родильница боярыня моя у тетки.

— Дочкой, матушка Елизавета Глѣбовна,—сказала она и подала младенца на руки. Добрая боярыня со слезами сердечнаго умиленія смотрѣла на плодъ любви своей и трепетною рукою благо

словила младенца; и тогда замыслъ мой былъ оконченъ.

Точно тоже происходило и у Ргищевой. Она торжественно, радостно поцѣловала младенца и назвала его милымъ, несравненнымъ им-немъ—сыномъ.

Боярыня наша дочь свою назвала Людмилой, а Ргищева сына Николаемъ.

— Стало быть, Людмила не сестра намъ?—спросилъ торжедственно Θеодоръ.

«Нѣтъ! но дослушай разсказъ!» продолжалъ Θомушка.

— Сколько не слушай, лучше, пріятнѣе этого не услышишь! — прибавилъ Θеодоръ и поцѣловалъ руку у прежней сестры своей. Она ему тихо, едва чувствительно пожала руку, и это пожатіе, какъ электрическая искра, потрясло сердце Θеодора; оно опять загорѣлось страстною, неугасаемою любовію.

Вячеславъ спросилъ Ѳомушку съ любопытствомъ:

— Гдѣ жъ братъ вашъ?

«Дослушайте разсказъ.»

Бо прошествіи шести недѣль, боярыня сдѣлала большой великолѣпный пиръ, на которомь были всѣ родные и знакомые. Хозяйка была весела; радушно угощала гостей и старалась какъ бы передать въ каждаго изъ посѣтителей радость которую чувствовала она сама. Къ большей же радости, батюшка вашъ неожиданно возвратился съ войны и принесъ извѣстіе о совершенномъ пораженіи враговъ нечестивыхъ. Тогда-то началось пированіе, которое продолжалось три дня.

Для такой радости бояринъ простилъ меня за кочета.

Такимъ образомъ все пошло дѣло по дѣлу. Время невидимо, неприметно неслось, годы утекали, и прошли уже пять

лѣтъ. Боярышня Людмила выростала и восхищала собою всѣхъ, кто зналъ ее. Она была чудной красоты и обѣщала много удовольствій въ будущемъ.

Братъ же вашъ Николай на четвертомъ году умеръ отъ оспы и былъ оплаканъ матерью и нащей барыней—матерью настоящею Ея сердце какъ будто чувствовало· она плакала о немъ какъ о родимомъ.

Ты, Вячеславъ Юрьевичъ, долженъ помнить сестрицу свою; тебѣ ужъ было тогда лѣтъ десять, или больше: Ѳедоръ Юрьевичъ не могъ помнить, потому что былъ слишкомъ малъ.

—Точно ли это правда, что Людмила не сестра намъ? — спросилъ Вячеславъ.

«Вѣрно, истинно. Старуха, тетка моя при смерти призналась въ подлогѣ господамъ, и они ее простили. Людьмилу же Юрьевну продолжали называть своею дочерью. Я помню, часто бывало покой-

вая родительница любовалась игрою Өедора и Людмилы и говаривала съ наслажденіемъ: «Быть можетъ, придетъ пора, они и большіе станутъ жить такъ ладно и забавляться на игру своихъ собственныхъ дѣтей, какъ я теперь любуюсь ими.»

«Вотъ слова вашей матушки и конецъ моего разсказа. Вотъ важная тайна, которая примирила меня съ совѣстію. Я теперь передъ вами, что хотите то со мною и дѣлайте; я все съ терпѣніемъ перенесу».

Өедоръ, вмѣсто отвѣта, кинулся на шею и началъ радостно цѣловалъ его; потомъ палъ на грудь къ брату также облобызалъ его.

Людмила радостно смотрѣла на эту сцену и потомъ, какъ бы съ благоговѣніемъ, пала ни колѣни передъ Вячеславомъ, и поцѣловавши его руку, сказала:

«Ты старшій намъ; будь же нашимъ

благодѣтелемъ, отцомъ; мы полюбимъ тебя еще большею любовью, когда своими назиданіями будешь предохранять насъ.»

Вачеславъ поднялъ Людмилу, и соединивъ руки ея и Ѳедора, сказалъ:

—Вы были друзьями въ младанчествѣ, будьде же друзья и всю жизнь,

---

**

ГЛАВА IV.

Слѣдствіе нападенія Вячеслава на замокъ князя Исака.—Мщеніе его.—Совѣты Исака.—Грамота къ Царю.—Извѣстіе о заговорѣ въ Касимовѣ.—предпріятіе Вечеслава.—Посольство Касимовскаго Хана Царю Казанскому.—Помощь.—Открытіе бунта.

Происшествіе, случившееся въ замкѣ князя Исака, быстро распространилось между жителями Касимова и потрясло

ихъ спокойствіе. Многіе начинали уже позабывать о набѣгахъ атамана Сокола, какъ новый случай показалъ, что должно его опасаться.

Касимовцы только говорили о томъ, какъ бы избавиться отъ разбойниковъ.

Князь Исакъ, развязанный своими невольниками, поспѣшилъ къ хану и разсказалъвсе случившееся. Ханъ, можетъ-не принялъ бы такого участія въ судьбѣ Исака, слибы овъ не сказалъ ему; «что между многими сокровищами похищена прелестная красавица, которая была бы единственною въ гареми твоемъ, ханъ; я ее назначилъ въ подааокъ тебѣ. Да, гнсударь, если бы видѣлъ ты ее, то, конечно, не пожалѣлъ бы ничего, только бы достать ее. Кто съ пей сравниться можетъ? Кляиусь Могометомъ, я подобиой не видыдалъ красавицы!»

Такъ говорилъ Исакъ, и Ханъ поклял-

ся истребить атамана Сокола, какъ только пришлется ему помощь изъ Москвы.

На это мнѣніе Исакъ отвѣчалъ слѣдующее:

— За чѣмъ, государь, намъ дожидаться помощи отъ царя Рускаго? Не лучшели послать къ хану Казанскому? Онъ нашъ единовѣрецъ, и вѣроятно не захочитъ оставить насъ въ опасности. Раноли, поздноли, Касимовъ не будетъ принадлежать Рускимъ. Поспѣши, ускори это время; освободи ихъ изъ подданства Рускихъ, и тогда имя твое памьтно потомкахъ; они станутъ прославлять его.

«Можемъ ли противувстать непріятелю, во много разъ сильнѣйшему? Онъ надвинетъ войска свои и задавитъ насъ такъ, что мы ужь болѣе и не оживемъ», сказалъ ханъ.

— Это еще неизвѣстно. Сперва должно снестись съ Казанскимъ ханомъ. и потомъ приступить къ рѣшительному дѣ-

лу. По моему мнѣнію, лучше погибнуть, нежели жить въ неволѣ, — сказалъ князь.

«Повѣрь, что я желаю благоденствія отечеству, и постараюсь употребить всѣ силы, чтобы искоренить иго. Я пошлю посла къ царю Казанскому и буду просить его о помощи. Быть можетъ, мы и успѣемъ въ намѣреніи нашемъ.»

Такъ преступный вельможа, страшась справедливаго возмездія за противузаконные поступки отъ государя своего, старался взбунтовать вассала и погубить соотечественниковъ.

Касимовъ былъ въ то время и ханствомъ, но могъ ли равняться силою съ могущественною Россіею?

Ѳомушка на приготовленныхъ повозкахъ отправилъ все богатство, всѣ сокровища въ Касимовъ, къ купцу, съ которымъ онъ и прежде имѣлъ дѣло.

Дня черезъ три онъ возвратился и привезъ съ собою множество золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Эти деньги онъ назначилъ для раздачи по монастырямъ и по церквамъ.

Въ продолженіи этого времени, Вячеславъ былъ также въ Касимовѣ и узналъ о злоумышленіи. Объ этотъ онъ тотчатъ послалъ извѣстіе въ Москву, въ которомъ онъ помѣстилъ, гдѣ онъ теперь находится. Ѳомушка также узналъ объ этомъ и приказалъ молодцамъ своимъ наѣзжать въ Касимовъ и привозить извѣстія.

Недѣли двѣ не получалось почти никакихъ замѣчательныхъ извѣстій ни изъ Касимова, ни отъ В. Князя изъ Москвы. Въ началѣ третьей, посланный Вячеславъ, возвратился и принесъ грамату, изъ которой Вячеславъ узналъ, что Государь приказываетъ ему захватить атамана Сокола и представить въ Москву; возмущенія же Касимцевъ онъ постарается утишить.

Вячеславъ скрылъ приказаніе царя и сказалъ только о второмъ извѣстіи.

Почти въ то же время возвратились наѣздники атамана и объявили, что Касимовцамъ пришло войско изъ Казани и что самъ ханъ намѣренъ объявить Касимовъ независимымъ; въ противномъ случаѣ открыть военныя дѣйствія противъ царя Русскаго.

Вячеславъ удалился съ Өомушкою въ уединенную комнату и началъ съ нимъ разсуждать о настоящихъ обстоятельствахъ

«Сколько у тебя всего народу?» спросилъ онъ.

— Сто тридцать человѣкъ.

«Всѣ ли они годятся въ дѣло?»

— Всѣ молодцы, на тысячу пойдутъ.

«Естьли у нихъ оружіе?»

— Есть много. Еще можно вооружить ста два.

«Если такъ, то мы нападемъ на Касимовъ и усмиримъ его. Крѣпокъ ли твой замокъ?»

— Крѣпокъ. Но зачѣмъ это?

«Мы заставимъ хана напасть на насъ и подлѣ стѣнъ его погубимъ. Я на время буду хозяиномъ. Прикажи, чтобы твои товарищи мнѣ повиновались.

— Я и самъ дѣлаюсь рабомъ твоимъ. Повелѣвай мною. Все и все къ твоимъ услугамъ.

Немедленно Ѳомушка отдалъ приказъ, чтобы всѣ его прежніе сотоварищи теперь повиновались Вячеславу Юрьевичу Бѣлосельскому.

Вячеславъ въ тотъ же день приказалъ собраться всѣмъ въ судебный залѣ и сказалъ самъ о намѣреніи напасть на Касимовъ и усмирить его.

Товарищи съ удовольствіемъ приняли предложеніе Вячеслава. Они хотѣли показать свою приверженность къ В. князю.

Вячславъ приказалъ имъ готовить оружіе, наполнить рвы водою и набить еще болѣе въ нихъ свай; также починить стѣны и башни. Осмотрѣлъ весь замокъ и началъ приводить его въ оруженное состояніе.

Ѳомушка былъ самымъ послушнѣйшимъ работникомъ; даже старался предупреждають всѣ его желанія.

Токимъ образомъ Вячеславъ готовился внезапно напасть на Касимовъ и нанести ему чувствительный ударъ.

И ханъ также готовился. Войско пришедши на помощь изъ Казани, возбудило въ немъ твердую надежду воспротивиться В. Князю. У него было приготовлено до тысячи всадниковъ. Сверхъ того онъ надѣялся вооружить всѣхъ жителей Касимова. Недѣли двѣ продолжалась еще тишина; напослѣдокъ окрестности Касимова, занятыя Русскими, запылали, и полилась кровь.

Вячеславъ узналъ объ этомъ, и осмотрѣвши своихъ воиновъ, отправился съ ними ночью къ Касимову. Людмила, оставшись въ замкѣ, подъ покровительствомъ своего возлюбленнаго Ѳеодора, которому поручилъ Вячеславъ пятьдесятъ человѣкъ для сохраненія замка, усердно молилась Богу, чтобы сохранилъ отца ея Вячеслава и прекратилъ напрасно проливаемую кровь.

Θеодоръ свободное время нроводилъ съ нею въ пріятныхъ разговорахъ о будущемъ семейномъ счастіи и даже иногда осмѣливался лобызать свою подругу въ медовыя уста, обѣщавшія пылкое, страстное наслажденіе.

Онъ почиталъ себя счастливымъ; и въ самомъ дѣлѣ, кто не позавидовалъ бы ему, имѣвшему такое сокровище, какова была прелестная, несравненная Людмила?

ГЛАВА V.

Оврагъ подлѣ Касимова.—Мнѣніе о немъ Касимовцемъ.—Вячеславъ подлѣ Касимова. —Неожиданное его нападеніе на вспомогательное войско Казанское.—Пожары.— Страхъ Касимовцевъ.—Пораженіе ханскаго войска.—Его отчаяніе.—Гнѣвъ хана на князя Исака.—Смерть Исака.—Возвращеніе Вячеслава съ побѣдою.

—

Подлѣ самаго Касимова есть и нынѣ большой, глубокій оврагъ, въ половодье наполняющійся изъ Оки водою.

Въ во время, когда случились описываемыя мною происшествія, въ немъ росли

столѣтніе дубы, ели и сосны. Глубокое дно его поростало высокою, густою травою.

Никто изъ Касимовцевъ не смѣлъ спускаться въ него, опасаясь змѣй и другихъ гадовъ, которые будто бы наполняли собою глубину оврага, или таились подъ корнями деревьевъ.

Вячеславъ, узнавши отъ своихъ товарищей, что Ѳомушка иногда оставлялъ часть товарищей въ этомъ оврагѣ и что въ немъ нѣтъ змѣй, раздѣлилъ дружину свою на двѣ части и одну посадилъ въ этомъ оврагѣ, чтобы въ опасномъ случаѣ ею воспользоваться. Самъ же съ другою частію тайно ночью вошелъ въ Касимовъ, зажегъ его во многихъ мѣстахъ и то зданіе, гдѣ помѣщались присланныя вспомогательныя войска.

Пожарное пламя разлилось мгновенно и страхъ Касимовцевъ заставилъ покинуть постели. Въ смущеніи бѣгали они по улицамъ, кричали и не знали, что имъ начать дѣлать. Вячеславъ между тѣмъ бы-

стро напалъ на татарскихъ всадниковъ, которые старались утушить пламя, и началъ съ ними битву.

Отъ испуга они только кричали: пощадите! и кидались въ сторону. Вѣсть что руское войско пришло въ Касимовъ для усмиренія возмущенія, мгновенно распространилась по городу; и тогда многіе изъ жителей, рѣшившись умереть, поспѣшно вооружились и кинулись къ сражающимся.

Если бы не пожары, то по темнотѣ ночи нельзя было бы сражаться.

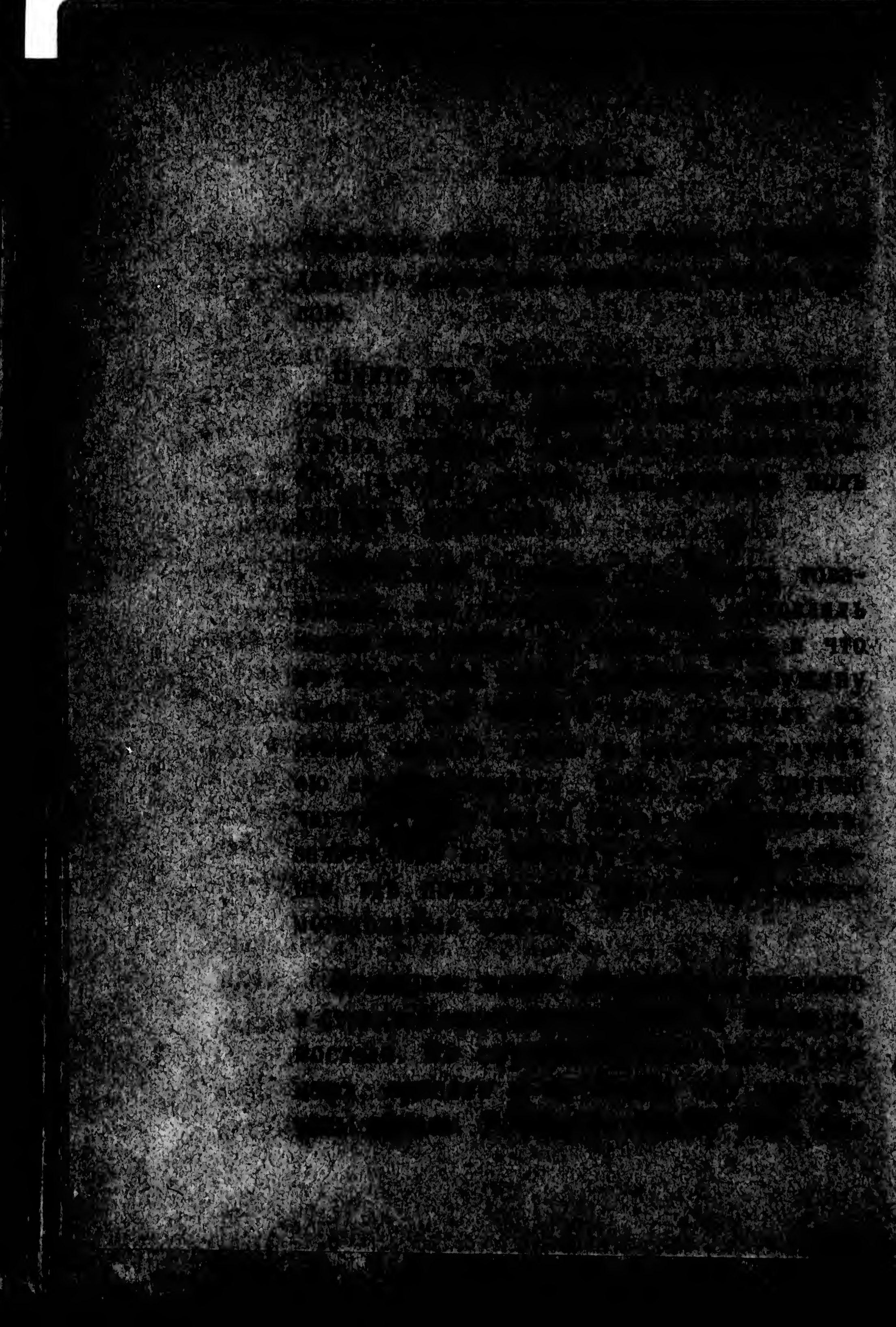
Ханъ и князь Исакъ также вооружили нѣсколько сотъ татаръ и послали ихъ на помощь.

Тогда-то начался жестокій и неравный бой. У Вячеслава было только сорокъ человѣкъ, между тѣмъ какъ у противниковъ было гораздо болѣе.

Битва продолжалась долго.

Самъ Вячеславъ, какъ Ангелъ истребитель; поражалъ противниковъ и клалъ ихъ подлѣ себя кучами.

Татары въ неистовствѣ напирали на него и старались опразить; но тщетны были

стро напалъ на татарскихъ всадниковъ, которые старались утушить пламя, и началъ съ ними битву.

Отъ испуга они только кричали: пощадите! и кидались въ сторону. Вѣсть что руское войско пришло въ Касимовъ для усмиренія возмущенія, мгновенно распространилась по городу; и тогда многіе изъ жителей, рѣшившись умереть, поспѣшно вооружились и кинулись къ сражающимся.

Если бы не пожары, то по темнотѣ ночи нельзя было бы сражаться.

Ханъ и князь Исакъ также вооружили нѣсколько сотъ татаръ и послали ихъ на помощь.

Тогда-то начался жестокій и неравный бой. У Вячеслава было только сорокъ человѣкъ, между тѣмъ какъ у противниковъ было гораздо болѣе.

Битва продолжалась долго.

Самъ Вячеславъ, какъ Ангелъ истребитель; поражалъ противниковъ и клалъ ихъ подлѣ себя кучами.

Татары въ неистовствѣ напирали на него и старались опразить; но тщетны были

ихъ старанія. Бѣлосѣльскій мастерски рубился и отстранялъ удары.

Такъ продолжалось долго и успѣхъ еще не оканчивалъ дѣло.

Напослѣдокъ Вячеславъ, желая рѣшить битву, послалъ гонца къ оставшимся въ оврагѣ съ приказомъ спѣшить имъ на помощь. Ими начальствовалъ самъ Ѳомушка, привыкшій къ нимъ и умѣвшій управлять ими.

Тогда, какъ битва оканчивалась уже въ пользу Касимовцевъ, Ѳомушка съ крикомъ, съ шумомъ напалъ съ своими товарищами. Противники дрогнули, смѣшались, а предводители малаго числа разниковъ съ новою бодростію кинулись и поражали во множествѣ.

Татары кидали оружіе, падали другъ на друга, воображая, что нѣсколько тысячъ гонятся за ними. Ѳомушка наводилъ на нихъ ужасъ. Въ продолженіи двадцать лѣтъ онъ привыкъ поражать противниковъ рука его вѣрна, не измѣняла. Его товарищи также не уступали въ искусствѣ своему повелителю. И такимъ образомъ малое число отважныхъ сдѣлало то, что

воспомогательное войско, присланное изъ Казани, погибло, а особенно Касимовское не могло противустать имъ.

Ханъ Касимовскій былъ въ большомъ страхѣ и отчаяніи; погибель его была неизбѣжна

Князь Исакъ также струсилъ и въ смущенномъ видѣ пришелъ къ хану.

Суровый видъ встрѣтилъ его.

Грозны были глаза хана; губы посинѣлыя дрожали, голосъ его былъ дикъ и прерывистъ.

— Ты погубилъ меня, несчастный рабъ мой! Бѣда тому властелину, который имѣетъ такихъ, какъ ты, совѣтниковъ! Погибель моя и Касимова начнется твоею гибелью! —говорилъ ханъ.

Исакъ хотѣлъ было оправдываться; но ханъ крикнулъ грозно, и онъ долженъ былъ замолчать. Въ тоже самое время пожарное пламя обхватило зданіе, въ которомъ жилъ Исакъ.

«Гори, гори мое жилище! Не доставайся никому! Владѣлецъ твой не переживетъ погибели твоей!» сказалъ Исакъ отчаяннымъ, неистовымъ голосомъ.

Ужасная ночь для Касимова начала постепенно подымать свой мрачный покровъ. Заалѣлъ восточный край неба, и лучи солнца начинали постепенно золотить верхи Касимовскихъ зданій.

Вячеславъ и Ѳомушка положили поджечь еще дворецъ ханскій и потомъ возвратиться въ свой замокъ. Такъ и сдѣлано.

Когда Ѳомушка приближался къ дворцу съ намѣреніемъ поджечь его, то онъ увидѣлъ посреди двора висѣлицу и на ней какого-то старика. Всатриваясь въ черты лица повѣшеннаго, онъ узналъ въ немъ Исака, нѣкогда страшнаго и сильнаго вельможу. Ханъ исполнилъ свое намѣреніе: виновникъ гибели его владычества, Касимовскаго ханства, первый погибъ, первый показалъ путь къ гибели!

Ѳомушка, поджегши дворецъ, возвратился къ Вячеславу и разсказалъ ему о видѣнномъ.

Съ побѣдою и радостію возвратились они въ свой пріютъ. Съ распростертыми объятіями принялъ ихъ Ѳеодоръ, съ при-

вѣтною, радостною улыбкою встрѣтила ихъ прелестная Людмила.

Пріятно было свиданіе друзей послѣ кратковременной, но опасной разлуки.

ГЛАВА VI.

Слѣдствіе нападенія Вячеслава и Ѳомушки на Касимовъ.—Отчаяніе хана.—Извѣстіе хана о нападеніи разбойниковъ.—Проклятіе.—Намѣреніе истребить атамана Сокола.—Страхъ и опасеніе Людмилы.—Разговоръ Бѣлосельскихъ и Ѳомушки.

—

Товарищи Вячеслава и Ѳомушки нанесли жестокое пораженіе Касимовскому хану. Изъ всего его войска осталась

только третья часть, что раненныхъ и увѣчныхъ.

Почти половина Касимова выгорѣла. Дворецъ ханскій, лучшія зданія вельможей и мечети погибли; множество жителей пострадали отъ пожара.

Ханъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать безпрестанно ожидалъ, что придутъ за нимъ воины Московскіе и повѣсятъ его.

Однакожъ нѣкоторые изъ касимовцевъ узнали, кто въ числѣ непріятелей находились и разбойники атамана Сокола. Это извѣстіе дошло до хана, и онъ поклялся во что бы ни стало истребить ихъ.

Вячеславъ на другой день приказалъ всѣмъ собраться въ судебной палатѣ, для того, чтобы узнать, сколько на лицо осталось его воиновъ.

Къ большому удовольствію нашелъ онъ, что весьма мало изъ нихъ ранено и только пятеро убито. Малая потеря показала ему, что съ такими воинами храбрыми, отважными, можно противустать сильнѣйшему войску.

Распорядившись въ нужномъ, онъ занялся больными, старался помочь имъ;

но они сами знали очень хорошо силу нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ, и какая отъ нихъ польза.

Такимъ образомъ совершенно было нападеніе на бунтовщиковъ, и прежніе разбойники своею кровію и храбростію искупили часть своихъ злодѣйскихъ, поступковъ.

Вячеславъ съ братомъ и Людмилою вмѣстѣ проводили остатокъ дня, и первый разсказывалъ послѣднимъ о сраженіи. Съ ужасомъ внимала Людмила разсказамъ брата, когда онъ описывалъ смерть тяжело раненныхъ; со слезами благодарила Бога за сохраненіе любезнаго ей благодѣтеля и наставника.

Ѳеодоръ съ удовольствіемъ внималъ брату, и огонь мужества искрился въ глазахъ его.

Передъ вечеромъ пришелъ къ нимъ Ѳомушка.

«Я вамъ принесъ извѣстіе. Ханъ узналъ что мы нанесли ему такую опасность, и хочетъ погубить насъ, истребить нашъ замокъ»—сказалъ онъ, садясь подлѣ Вячеслава.

— Мы станемъ ждать его. Развѣ мало ему досталось отъ насъ? Неужели онъ еще хочетъ болѣе погубить и себя и своихъ подданныхъ? Если такъ, то пусть его идетъ къ намъ; я надѣюсь, что рвы, который окружаютъ нашъ замокъ, будутъ многимъ изъ его воиновъ могилою,—говорилъ Вячеславъ.

— Боже мой! мы находимся еще въ опасности; враги окружатъ насъ и принудятъ погибнуть! Өеодоръ, будь всегда со мною; если назначено умереть намъ, то умремъ вмѣстѣ! говорила испуганная Людмила.

«Вы можете быть совершенно въ безопасности. Я вамъ найду такую потаенную комнату, что никто васъ не отыщетъ. Въ случаѣ же нашей погибели и пожара замка, я оставлю съ вами одного старшаго моего товарища, который проведетъ васъ лѣсомъ до дороги въ Москву. Эта дорога однимъ намъ извѣстна, слѣдовательно ты, Людмила Юрьевна и твой Өеодоръ Юрьевичъ, будете во всякомъ случаѣ въ безопасности,» говорилъ Өомушка.

— А Вячеславъ? Неужели ты дума-

ешь, что разстанемся съ нимъ? Развѣ жизнь его для насъ не драгоцѣнна? Развѣ намъ мало значитъ потерять его? О! нѣтъ, Ѳомушка, я его столько же люблю какъ и Ѳеодора!—говорила Людмила.

«Надѣйся на Бога, сестрица: Онъ поможетъ; начатое должно совершить!» сказалъ Вячеславъ.

Я отъ васъ не отстану! Развѣ мнѣ прилично оставлять васъ въ томъ случаѣ, когда угрожаетъ опасность? Нѣтъ. Я пойду на стѣны, сражусь съ непріятелемъ и возвращусь съ побѣдою къ моей несравненной Людмилѣ. Тогда и она на меня привѣтнѣе взглянетъ и подаритъ ласковою улыбкою. Не правда ли Лелинька?» —говорилъ Ѳеодоръ.

— Неправда! отвѣчала Людмила.

— «Какъ такъ?» —спросилъ Ѳеодоръ съ недоумѣніемъ.

— Да; ты мнѣ милъ и безъ побѣды. Неужели ты думаешь, что мнѣ пріятно будетъ встрѣчать облитаго кровію. О милый, любезный Ѳеодоръ! Останься со мною и будь моимъ защитникомъ! — говорила Людмила.

«Не спорьте, друзья мои безъ нужды не надобно вдаваться въ опасность. Вы будете вмѣстѣ. Ты, Өеодоръ, останешся съ Людмилой и будешь утѣшать и уговаривать: совѣты друга всегда бываютъ сладостны, утѣшительны!» говорилъ Вячеслевъ!

ГЛАВА VIII.

Смиреніе хана.—Грамота Вячеслава къ Царю Московскому. — Радость Бѣлосельскихъ.—Отвѣтъ на грамоту.—Милость Царя.—Молитвы товарищей.—Благодарность хана.—Отъѣздъ Бѣлосельскихъ и Ѳомушки.—Истребленіе пріюта разбойниковъ. — Возвращеніе на родину.—Свадьба.—Веселости.

—

Дня черезъ три Вячеславъ отправился въ Касимовъ къ хану для того, чтобы склонить его къ тишинѣ и къ спокойствію.

Лишь только Людмила спала одна въ своей отдѣльной комнатѣ, Θеодоръ стоялъ подлѣ дверей и посматривалъ тайкомъ въ щель, чтобы узнать, что дѣлаетъ Людмила. Я не знаю, видѣлъ ли онъ что-нибудь, только примѣтно было, что лице его мѣнялось и что онъ трепеталъ....

Не поднялось еще солнце высоко, какъ толпы Татарскихъ наѣздниковъ появились кругомъ замка. Ихъ крикъ возвѣстилъ жившимъ въ немъ, что они осаждены.

Вячеславъ и Θомушка скоро собрали свою отважную дружину и размѣстили ее по мѣстамъ.

Татары старались забраться на стѣны и потому строили лѣстницы и дѣлали насыпи.

Между тѣмъ Вячеславъ накатилъ множество бревенъ въ стѣну. Тогда какъ Татары приступали къ стѣнамъ, то Вячеславъ накатилъ на нихъ бревны и они, падая, давили ихъ.

Тогда пошла суматоха.

Татары кинулись назадъ отъ стѣнъ и многіе изъ нихъ попадали въ рвы.

Предводитель ихъ, любитель хана, старался разгорячить своихъ воиновъ; но они не внимали словамъ его и не смѣли подступиться къ стѣнамъ.

Такъ шло время.

Ѳомушка даже соскучился такою скучною битвою и выпросился съ своими молодцами у Вячеслава потѣшиться, пошутить съ ханскими удальцами.

Вячеславъ отпустилъ ихъ.

Вышли они изъ воротъ и пустились быстро на противниковъ.

Тогда-то началось дѣло.

Предводитель Татаръ рубился мастерски, напалъ быстро на Ѳомушку и завязалъ съ нимъ жестокую сѣчу. Посмотрите, полюбуйтесь, какъ дерутся они. Какъ быстры ихъ движенія! Какъ неожиданны удары мечей ихъ! О! если вы увидѣли бы, то сказали бы, что дока на доку нашелъ!

Нѣсколько времени продолжалась битва съ равнымъ ожесточеніемъ; съ противниковъ капалъ кровавый потъ, но сила ихъ, и движеніе рукъ не истощались. Казалось, они цѣлый день не пе-

рестанутъ, цѣлый день не одолѣютъ другъ друга. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ; они отступили другъ отъ друга и, склонившись на мечи свои, стояли долгое время и отдыхали.

Между тѣмъ товарищи Ѳомушки продолжали съ успѣхомъ сраженіе. Много было убито и ранено непріятелей.

Герои наши опять сошлись.

Опятя началясь битва съ новымъ ожесточеніемъ.

Трудно рѣшить, кто одолѣетъ. Оба они мастерски рубились; оба казались равносильны, не смотря на то, что Ѳомушкѣ было слишкомъ шестьдесятъ, а сопэрнику двадцать пять лѣтъ.

Наконецъ, конецъ насталъ.

Битва окончилааь.

Одинъ изъ соперниковъ восторжествовалъ; то былъ Ѳомушка.

Ѳомушка ранилъ соперника въ грудь подъ самое сердце, и онъ упалъ, застоналъ—и потомъ утихъ навѣчно!....

Татары, видя смерть своего начальника, смѣшались и побѣжали, за ними кинулись товарищи. Къ полудню все кон-

чилось. Тишина въ замкѣ опять возстановилась, и Ѳомушка съ своими товарищами праздновалъ побѣду.

— Кончилось ли сраженіе? — спросила Людмила у входящаго Вячеслава.

— Мы побѣдили врага. Они или истреблены, или убѣжали; плѣнниковъ не надобно. Я теперь хочу вторично напасть на Касимовъ и принудить хана смириться передъ Русскимъ Царемъ. Если же не согласится, то я его возьму въ плѣнъ и доставлю къ Царю. Какъ ты думаешь, Ѳомушка, быть ли этому, посовѣтуй мнѣ?—говорилъ Вячеславъ.

«Прикажи только, и я и товарищи готовы идти хоть подъ самую Казань, не только на Касимовъ. Завтра же пойдемъ туда и передавимъ бунтовщиковъ!» говорилъ Ѳомушка, при послѣднихъ словахъ ударивши по мечу кулакомъ.

Опять вы хотите проливать кровь Мало ли вы пролили ее! Посмотрите на себя: вы всѣ въ крови! Какъ это ужасно!—говорила Людмила.

«Того требуютъ обстоятельства. Мы должны услужить Царю, что бы онъ

простилъ Ѳомушку и его товарищей. Ты жалѣешь тѣхъ, которые враги намъ, которые нападаютъ на наши села и убиваютъ безъ пощады намъ родимыхъ собратій! Нѣтъ, Людмила, враговъ, завистниковъ нашего счастія, должно истреблять».

— Ты думаешь, Людмила, что я не бывалъ въ сраженіяхъ? Нѣтъ! была пора, я рубился съ ними, какъ дикій звѣрь мечъ Ѳеодора Бѣлосельскаго былъ страшенъ врагамъ, Не одинъ разъ бѣжали они падали кругомъ меня грудами, и я торжествовалъ побѣду!» говорилъ Ѳеодоръ.

— Неуже-ли ты, другъ мой, не щадилъ свою молодость и подвергалъ ее опасности?—говорила Людмила.

«Когда отечество требуетъ сыновъ для своей защиты, тогда какое сердце не встрепенется и не заставитъ забыть обо всемъ на свѣтѣ? Любовь къ отечеству сильнѣе всякой иной любви! Я это испытывалъ!» говорилъ Ѳеодоръ.

— Неужели ты и меня забылъ бы и оставилъ, меня, Людмилу, которая тебя

такъ нѣжно бюбитъ? - сказала Людмила такимъ голосомъ, который проникаетъ въ сердце и заставляетъ трепетать его.

«Скажу рѣшительно: оставлю и тебя и пойду на поле битвы спасать родину, оттчества, которое всякому милѣе всего на свѣтѣ! Пойми, мой другъ, что такое отечество, что такое любовь къ родинѣ, и ты скажешь, что она ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Ты сама, если бы была мужчиной, покинула бы семейство и принесла бы въ жертву послѣднюю свою каплю крови. Правда, Людмила, трудно, тягостно было бы это пожертвованіе! говорилъ Ѳеодоръ.

— Везите же скорѣе меня на родину. Я хочу видѣть ее и поцѣловать ту землю, въ которой покоится прахъ моихъ родителей и праотцевъ! Скоро ли настанетъ это время? Когда я увижу опять Москву; тотъ кровъ, въ которомъ жила я въ младенчествѣ; тотъ кровъ, въ которомъ жила я въ младенчествѣ; тотъ садъ, гдѣ я гуляла съ родителями? О! скоро ли я увижу тебя, моя ролина любезная? Когда нога моя ступитъ на при-

вѣтную землю, когда очи мои увидятъ родныхъ собратій?—говорила Людмила, и глаза ея были полны слезъ.

«Если Богъ намъ поможетъ привести къ окончанію дѣло наше, то мы черезъ недѣлю, много двѣ, отправимся въ Москву!—говорилъ Вячеславъ.

— Приведетъ ли милосердый творецъ увидѣть мнѣ отечество мое, мою родину? Давно, давно мысли мои туда стремятся! Оставилъ я ее невиннымъ юношей, а возвращусь преступникомъ! Если Царь проститъ меня, помолюсь Московскимъ Чудотворцамъ и уйду далеко, туда, гдѣ вѣчные снѣга покрываютъ землю, гдѣ непогоды и вьюги безпрестанны. Тамъ я окончу остатокъ жизни!

«Кто знаетъ, кому опредѣлено гдѣ умереть? Быть можетъ, что смертъ наша не за горами, а за плечами,» сказалъ Вячеславъ.

— Правда, Вячеславъ Юрьевичъ; наши предположенія далеки, а дни коротки! сказалъ Ѳомушка.

ГЛАВА IX.

Утро слѣдующаго дня.—Нападеніе Татаръ на замокъ Атамана Сокола.—Битва.—Пораженіе.—Поединокъ Сокола съ предводителемъ ханскихъ войскъ.—Искусство соперниковъ.—Гибель одного изъ нихъ.—Тишина въ замкѣ послѣ битвы.

—

На другой день рано утромъ проснулся Вячеславъ и, одѣвшись, пошелъ осматривать стѣны и рвы. Въ скоромъ вре-

мани и всѣ живущіе въ замкѣ проснулись.

Ханъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о смерти своего любимца и о пораженіи войскъ, на которыя оставалось только и надежды, воспомогательное уже истреблено.

Со смиреніемъ выслушалъ онъ слова Вячеслава, въ которыхъ изобразилъ онъ всю гнусность преступленій бунтовщиковъ, и наконецъ представилъ ему жестокость наказанія, которое слѣдуетъ за это преступленіе.

Ханъ палъ на колѣна передъ Бѣлосельскимъ и просилъ пощады. Вячеславъ обѣщался испросить ему прощеніе у Царя.

Такимъ образомъ спокойствіе въ Касимовѣ возстановлено, и Вячеславъ съ товарищами доказалъ, что не множество, а храбрость и отважность имѣютъ перевѣсъ на полѣ брани.

Вячеславъ, возвратившись изъ Касимова въ свой замокъ принесъ живущимъ въ немъ пріятное извѣстіе о смиреніи Касимовскаго хана.

Людмила была рада тому, что прекратилась проливаться кровь. Өеодоръ на-

дѣялся скоро возвратиться въ Москву, чтобы сочетаться законнымъ бракомъ съ прекрасною Людмилою.

Ѳомушка также ожидалъ помилованія отъ Царя за содѣйствіе къ прекращенію мятежа въ Касимовѣ.

Такъ, побѣду и возстановленіе тишины и спокойствія въ Касимовѣ, въ замкѣ праздновали торжественно.

Вячеславъ между тѣмъ писалъ грамоту или донесеніе къ Царю объ окончаніи дѣла и старался въ ней высказать усердіе атамана Ѳомушки и его товарищей.

Дня черезъ четыре онъ послалъ гонца въ Москву съ грамотою.

Въ продолженіи недѣли было много веселостей въ замкѣ. Ѳеодоръ всячески старался утѣшаль свою будущую супругу; оне съ своей стороны видя его внимательность, оказывала ему болѣе и болѣе нѣжности и расположенія.

Часто она, прогуливаясь съ нимъ но утру, разсказывсла ему сонъ, и этотъ сонъ былъ пріятенъ для Ѳеодора Онъ доказывалъ, что расположеніе Людмилы

проникло во всѣ ея чувства, наполнило ихъ однимъ желаніемъ: сочетаться бракомъ и жить счастливо, безмятежно въ семейномъ кругу.

Иногда, впрочемъ это случалось рѣдко, Ѳеодоръ, воспаленный словами красавицы, ея пылкими взглядами, осмѣливался подругу свою прижимать къ вознымающейся груди и напечатлѣть сладкій, ни съ чѣмъ несравненный поцѣлуй. О! какъ онъ и тогда былъ счастливъ! За поцѣлуй въ уста Людмилы онъ отдалъ бы все, что только было драгоцѣнно для него на свѣтѣ!

Онъ не взялъ бы золотыхъ горъ за этотъ поцѣлуй. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли промѣнять поцѣлуй любимой красавицы, на что-нибудь въ мірѣ?

Чересъ недѣлю полученъ отвѣтъ на грамоту Вячеслава.

Царь, за прекращеніе бунта въ Касимовѣ, наградилъ Бѣлосельскаго золотою гривною и помѣстьемъ въ пять сотъ душъ подлѣ Москвы. Ѳомушку и его товарищей простилъ и забылъ всѣ ихъ пре-

ступленія за содѣйствіе и повелѣвалъ имъ избрать родъ жизни.

Съ радостію на лицѣ и въ сердцѣ прочиталъ Вячеславъ грамоту отъ Царя своимъ сотрудникамъ. И каково было торжество ихъ? Съ чѣмъ его сравнить? И какъ его выразить?

Ѳомушка, услыхавши, что Царь его прощаетъ, палъ на колѣни и долго, долго со слезами молился за здравіе Царя Милосердиаго, за православную Русь, и ея благодѣяствіе и прощеніе грѣховъ своихъ!

Товарищи слѣдовали его же примѣру; молились усердно Творцу и были радостны

Братски, дружески обнимались они въ знакъ раскаянія; согласились наложить на себя строгій постъ и епитимію въ благодарность Господу, Который сподобилъ ихъ слышать прощеніе своихъ преступленій.

Скоро назначенъ былъ день отъѣзда Бѣлосельскихъ въ Москву.

Ѳеодоръ и Людмила торжествовали и не знали, какъ благодарить Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Вячеславъ также былъ веселъ, и тайно, въ удаленной комнатѣ, молился со слезами. Его лице, всегда пасмурное, тогда было весело торжественно. И какъ не веселиться ему? Онъ былъ виновникомъ счастія всѣхъ тѣхъ, которые окружали его.

Ханъ также получилъ всемилостивѣйшее прощеніе отъ Царя и, почитая виновникомъ этого Бѣлосельскаго, подарилъ ему драгоцѣнныя ткани.

Наконецъ день отъѣзда наступилъ. Ѳомушка обошелъ наканунѣ кругомъ свое жилище и прощался съ тѣми мѣстами, въ которыхъ проводилъ почти всю жизнь свою.

Тогда, какъ лошади были поданы къ подъѣзду и Бѣлосельскіе отправились въ Москву, онъ, съ помощію своихъ товарищей, поджегъ во многихъ мѣстахъ замокъ и черезъ нѣсколько времени смрадное облако облегло кругомъ его; потомъ огненный столбъ потянулся къ небу, и скоро, скоро всегубительное пламя разрушило все зданіе. Одни лишь малыя останки напоминаютъ о немъ, и преда

ніе дошедшее до насъ, поясняетъ ихъ, и кѣмъ и когда они были начаты и окончены.

Бѣлосельскіе возвратились въ Москву. Людмила, отъ полноты чувствъ, облобызала землю родины, и омочила ее слезами. Вячеславъ скоро по пріѣздѣ, былъ у Царя, благодарилъ его за милость и разсказалъ ему о своей радости. Царь также подарилъ на сарафанъ Людмилѣ парчи, шитой богато золотомъ и жемчужное ожерелье.

Недѣли черезъ двѣ съиграли свадьбу Өеодора и Людмилы, и отъ этого торжественнаго дня въ продолженіи цѣлаго мѣсяца новобрачные давали пиры, о которыхъ говорили въ Москвѣ.

Вячеславъ подарилъ Өеодору половину крестьянъ, пожалованныхъ ему Царемъ, и такимъ поступкомъ обезпечилъ будущую жизнь своего брата.

Өомушка былъ на свадьбѣ и радовался, какъ отецъ, счастію молодыхъ; потомъ черезъ двѣ недѣли распростился съ любезными ему сердцу и съ родимою Москвою, и отправился въ Соловецкій монастырь.

Товарищи также избрали себѣ по желанію родъ жизни и начали жить честно, безупречно.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ I ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ III ЧАСТИ.

